

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТОКИ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ, ВЕДУЩАЯ К НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Проект финансируется
Европейским Союзом

Internews
Local voices. Global change.

**Search for
Common Ground**

Проект финансируется
Европейским Союзом

Информационные потоки и радикализация, ведущая к насильственному экстремизму в Центральной Азии

Данное исследование подготовлено в рамках проекта «Содействие стабильности и миру в Центральной Азии посредством повышения медиаграмотности, эффективного освещения и регионального сотрудничества», финансируемого Европейским союзом и реализуемого Интерньюс. Содержание этого исследования является исключительной ответственностью организации «Поиск общих интересов» и ни при каких обстоятельствах не отражает позицию Европейского Союза и Интерньюс.

Данная работа лицензирована на условиях международной лицензии [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Выражение признательности

Данный исследовательский проект – результат огромного труда и энергии людей из стран Центральной Азии и не только. Прежде всего, выражаем особую благодарность всей команде Интерньюс, в частности, г-ну Фарходу Рахматову и г-же Айгуль Болотовой, которые были с нами на связи круглосуточно и внесли неоценимый вклад в завершении особенного для нас проекта. Одинаково важную роль сыграла команда исследователей во главе с программным директором по Центральной Азии Кенешбеком Сайназаровым, и проектным менеджером по исследованиям Эльнурой Казакбаевой, которые вели за собой всю проектную команду для получения должных результатов от начала до конца. Ну и конечно же, выражаем признательность за финансовую поддержку Европейскому Союзу.

Мы также благодарны команде Центральноазиатских исследователей, которые выполняли всю работу по сбору материалов и справились со сложной задачей по проведению интервью. Особая благодарность команде из Таджикистана – г-ну Абдунаби Сатторзода, (Доктор по Философии/PhD), в Таджикской Академии Наук им. Рудаки, г-ну Рустаму Азизи, Исполнительный Директор Центра Исламоведения при Президенте Республики Таджикистан и г-же Анахите Саймидиновой, независимый исследователь; команде из Кыргызстана – г-ну Кайратбеку Джамангулову, (Доктор Философии/PhD), Центр Изучения Социальных Наук при Киргизской Академии Наук и г-ну Алишеру Хамидову, независимый исследователь; а также команде с Казахстана – г-ну Айдар ага Амрибаеву, (Доктор Философии/PhD), политолог, г-ну Рамазану Саликжанову, Профессор по Социологии в Евразийском Национальном Университете и г-ну Ильясу Тилеуберганову, аналитик по социальным и рыночным изучениям. Вся команда исследователей возглавлялась блестящим Главным Исследователем, который был ответственен за два крупных проекта, г-н Эмильбек Джурраев, кто завершил данное исследование с глубоким анализом последовательной структурой.

Мы также выражаем благодарность коллегам из Албани Ассошиейтс и Общественного Фонда «Гражданская инициатива интернет политики), которые предоставляли ценные комментарии и обратную связь к исследовательскому отчету.

Со словами благодарности к каждому, кто участвовал в этом исследовательском проекте, данный отчет посвящается всем обычным гражданам из Центральной Азии, кто живет с надеждой на мир, безопасность и стабильность.

Список сокращений

ИГ	Исламское Государство
ИГИЛ	Исламское Государство Ирака и Леванта
ИДУ	Исламское Движение Узбекистана
КР	Кыргызская Республика
КТК	Частный телеканал в Казахстане
КТРК	Главный телеканал в Кыргызстане
ЛВЭ	Люди, вовлеченные в экстремизм/Экстремистская Деятельность
МИГ	Медийная и информационная грамотность
МКГ	Международная Кризисная Группа
НПО	Не-Правительственная Организация
НТС	Российский телеканал
ОРТ	Российский Первый канал 1 транслируемый в Казахстане
ПИВ	Партия Исламского Возрождения
ПНЭ/ПНЭ	Предотвращение и/или Противодействие Насильственному Экстремизму
РСЕ/РС	Радио Свободная Европа / Радио Свобода
РТ	Республика Таджикистан
РК	Республика Казахстан
РНЭ	Радикализация и Насильственный Экстремизм
РУ (MAR)	Рандомно упущенные (Missing at Random)
СТВ	Телеканал (на английском STV)
СНГ	Содружество Независимых Государств
УЭГ	Участие в Экстремистских Группках
ЦА	Центральная Азия
ЭЛТР	Телеканал в Казахстане

Резюме и ключевые рекомендации

Данное исследование проведено в рамках регионального проекта «Содействие стабильности и миру в Центральной Азии посредством медиаграмотности, эффективного освещения и регионального сотрудничества», реализуемого офисом Интерньюс и финансируемого Европейским союзом. Проект нацелен на поддержку национальных и региональных инициатив, способствующих предотвращению радикализации в Центральной Азии через повышение потенциала журналистов, гражданских активистов и медиаспециалистов в вопросах производства качественного медиаконтента и уровня критического медиапотребления представителей гражданского общества, лиц, принимающих решения, и активных граждан.

Цель исследования – выявление и анализ:

- местных движущих сил экстремистских идей;
- информационных потоков;
- достоверных источников информации.

Важной целью также является поддержка, необходимая для усиления местных голосов.

Исследование состоит из трех компонентов:

- 1) кабинетное исследование – анализ доступных материалов: отчетов, документов и публикаций СМИ;
- 2) качественное исследование, включающее более 200 интервью с респондентами, экспертами и людьми, участвовавшими в радикальных и экстремистских группах, или членами их семей;
- 3) количественное исследование, изучающее привычки потребления информации.

В рамках кабинетного исследования сделана попытка представить более широкую картину, то есть включить в него все пять стран Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Однако, как и ожидалось, Узбекистан и особенно Туркменистан были сложными для этой цели.¹ Как для качественных, так и для количественных «полевых» исследований, включены только первые три государства. В результате текущее исследование может достоверно представить данные по вышеуказанным трем странам и в меньшей степени предложить рекомендации в отношении Узбекистана и Туркменистана.

На основе кабинетного исследования выявлено, что основными движущими силами для экстремистских идей являются политические (несправедливое отношение со стороны государственных структур; дискриминация по этническому признаку; репрессивный политический аппарат и т. д.), экономические (безработица; долги; бедность; желание быстро и много заработать) и идеологические (неудовлетворенность нынешними ценностями; стремление к справедливой и праведной жизни; стремление к вознаграждению в следующей жизни). К этим факторам

¹ Смотрите раздел «Ограничения» для обсуждения этих проблем.

добавляются и другие: миграция, молодой возраст, гендер (женщины) и средства коммуникации. Все эти движущие силы радикализации и насильственного экстремизма должны рассматриваться тщательно, как подчеркивали различные авторы, и это подтвердилось также в ходе наших «полевых» исследований.

В ходе кабинетного исследования сделан общий вывод: между названными государствами существует разница в степени контроля над информационным пространством или же подавление властью публичного дискурса. Этот вывод подтверждается данными из качественного и количественного компонентов. Наиболее ярко выраженной дискурсивная гегемония отмечена в Таджикистане, слабее – в Казахстане и совсем слабо выраженной – в Кыргызстане. Ситуация в Узбекистане, исходя из нашего анализа, ближе к Таджикистану, а о Туркменистане из-за его закрытого режима сложно делать какие-либо серьезные заключения. Дискурсивная гегемония в зависимости от ее степени отображает разнообразие в источниках информации, достоверность поступающих источников, предпочтения людей в том, что они слушают и смотрят. Следовательно, ответы на вопросы данного исследования отражают различные уровни дискурсивной гегемонии в публичном смысле в вышеуказанных странах.

Обзор литературы и результаты «полевых» исследований в трех государствах показали, что движущие силы экстремизма в Кыргызстане – политические, в Казахстане и Таджикистане – экономические и идеологические. Но во всех странах, помимо вышеуказанных основных факторов, существуют и другие причины: плохое образование или его полное отсутствие (в вопросах религии), уязвимость молодежи (неопытность; безработица; ослабление семейных связей и т. д.), личные связи (радикально настроенные родственники, друзья и знакомые) и интернет (как инструмент передачи/получения радикальных идей и сообщений). Интересно, что трудовая миграция и пол (гендер) не становятся явными причинами для распространения насильственного экстремизма и радикализма. Информационные потоки различаются по государствам в зависимости от уровня контроля за ними. Так, в стране с сильным политическим режимом информационные потоки больше контролируются и ограничиваются, чем в государствах со слабым режимом; кроме того, надо учитывать различный спектр информационных потоков.

Источники доверия к информации, соответственно, также варьируются по аналогичной линии. Во всех трех странах доверие к информации от государственных органов высокое, а доверие к другим источникам информации зависит от государства: в Кыргызстане граждане больше доверяют интернету и социальным сетям. В Таджикистане меньше доверяют интернету, зато больше доверяют знакомым, известным людям и книгам (по религиозным вопросам). В Казахстане меньше доверяют источникам информации от государства и онлайн-СМИ, а также социальным сетям. Газеты, как и предполагалось, читают мало во всех странах, но таджикистанские респонденты читают больше остальных и больше доверяют правительственным изданиям.²

² <https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.1524.LT.ZS?end=2001&locations=KG-KZ-TJ&start=1997&view=chart>

Проблема усиления местных «неуслышанных» голосов актуальна на данный момент. Особенно в Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане, что может быть местными «неуслышанными» голосами, кроме самого государства? Государство и аффилированные с ним институты вплотную контролируют информационную экосистему страны, особенно информационное пространство по ПНЭ³ (любые попытки усилить местные голоса должны осуществляться в сотрудничестве с самим государством). В Казахстане и Кыргызстане это могут быть государственные структуры, независимые акторы и СМИ. Однако в Казахстане даже при наличии независимых СМИ нужно получать разрешение от властей. Способы усиления местных голосов сводятся пока главным образом к открытости и работе с популярными и нерадикальными имамами и другими религиозными деятелями, улучшению и разнообразию медиапродуктов, нацеленных на ПНЭ, особенно с контрнарративами людей с их реальными историями против экстремизма.

Один из важных выводов, который относится ко всем вопросам данного исследования, а также к радикализации и насильственному экстремизму, – это необходимость более эффективного и взвешенного дискурса в СМИ по данной тематике. Во всех странах, как видно, роль религии в жизни граждан растет из года в год, это также отмечали большинство респондентов в ходе глубинных интервью. В то же время почти все респонденты отвергали радикализм и насильственный экстремизм и считали их чуждыми для себя. Похожие выводы также сделаны из результатов опроса, хотя ни один вопрос прямо не затрагивал радикализм или экстремизм. Эти два пункта должны рассматриваться вместе и предупреждать о любых действиях по противодействию/предотвращению насильственного экстремизма.

Исходя из вышесказанного, мы выделили несколько рекомендаций, адресованных СМИ, правительствам и другим акторам.

Рекомендации для СМИ:

- СМИ и журналистам в Центральной Азии необходимо проходить тренинги по освещению чувствительных тем, особенно в вопросах религии и радикализации. Новости – это то, что средства массовой информации обычно освещают, и их освещение не должно приводить к усилению социальной напряженности и расколу в обществе.
- СМИ и журналисты должны проходить тренинги по религиозным вопросам, а также больше сотрудничать с соответствующими экспертами, дабы избежать клише и высокомерного дискурса, не говоря уже о неточной и непроверенной информации о религии.
- СМИ и журналисты могут стать важным каналом в обеспечении прозрачности и верховенства права путем эффективного освещения судебных дел против лиц, обвиняемых в экстремизме.

³ Предотвращение насильственного экстремизма (PVE) и противодействие насильственному экстремизму (CVE) – признанные международные рекомендации к политике, действиям и другим усилиям, направленным на предотвращение насильственного экстремизма, который еще не реализован, и противодействие насильственному экстремизму, который уже осуществляется. Более детально: <https://www.unodc.org/e4j/en/terrorism/module-2/key-issues/preventing-and-counteracting-violent-extremism.html>

Это область, где сохраняются серьезные проблемы, и они создают новую почву для напряженности. Обучение журналистскому расследованию будет очень уместным.

- Необходимы освещение в СМИ и обсуждение острых социальных вопросов, таких как дискриминация, социальное неравенство, несправедливое отношение со стороны правоохранительных органов, на том языке, который дает голос наиболее уязвимым группам и побудит государство к принятию мер.

Для государств, доноров, исследователей:

- Необходимо тщательно определить «целевые группы» по противодействию/предотвращению насильственного экстремизма. Результаты данного исследования, как и некоторые предыдущие, показывают, что трудовые мигранты не были связаны с радикализацией в качестве особой социальной группы. То же самое можно сказать и о женщинах.
- Необходимо обеспечить фундамент и тщательно разработать механизм государственного контроля информационного пространства, чтобы избежать лишних ограничений на свободу печати и слова. Коммуникации экстремистских групп могут быть законной причиной для контроля, но уровень контроля в этих странах часто выходит за рамки.

Образование в широком смысле продолжает оставаться проблемой во всех государствах Центральной Азии. Качественное образование, особенно медийная и информационная грамотность (МИГ)⁴, важно для ответственного потребления любой информации; это также важно для разнообразия и терпимости друг к другу в обществе.

- Международным донорам и исследователям необходимо учитывать государственную политику и последствия каждого проекта и исследования; рекомендуется разработать процедуру «оценки политического воздействия»⁵ любого проекта, который просчитает риск возникновения ограничительной или принудительной государственной политики. Кроме того, подавление гражданских свобод и ограничение прав еще больше усугубят ситуацию.

⁴ <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/media-development/media-literacy/mil-as-composite-concept/>

⁵ Это предложение основано на идеях данного исследования, но более конкретное дополнение – это предложение, выходящее за рамки данного исследования.

Для дальнейшего изучения и исследования:

- Первый пункт – это изучение публичного дискурса ⁶ о религии, отношения конкретных участников и институтов, языка религии, каналов коммуникации, понимания и отношения к религии.
- Второй пункт, связанный с предыдущим, – это выход за рамки причинно-следственных связей в П/ПНЭ и фокус на коммуникации. Как показали многие исследования, установить истинные причины радикализации и насильственного экстремизма чрезвычайно сложно. Тем не менее причины возникновения экстремистских идей и их распространения (когда, где и кем) остаются малоизученными.
- Третий пункт – это светскость государств ЦА. Потенциально новая линия разногласий во многих обществах, особенно в постсоветской Центральной Азии, – это линия между светскостью и религиозностью. Эта напряженность, если она будет развиваться дальше, может создать еще один мощный аспект радикализации, не говоря уже о более широком социальном расколе.
- Последний пункт, непосредственно основанный на данном исследовании, – это необходимость продолжить исследования дальше, особенно в Узбекистане, крупнейшей стране региона. Доступ к ней значительно расширился за последние два года, и сотрудничество с местными исследовательскими институтами может стать возможным.

⁶ «Дискурс» / «Общественный дискурс» – данные понятия в этом отчете используются в их прямом значении, то есть как относящиеся к общественным коммуникативным процессам, имеющим общественно значимый характер, таким как религия, которые создаются, разделяются или обсуждаются. Строгие критерии для терминологии, найденные, например, в работах М.Фуко или Ю.Хабермаса, в данном отчете не используются.

Содержание:

Выражение признательности.....	2
Список сокращений	3
Резюме и ключевые рекомендации.....	4
Рекомендации для СМИ:	6
Для государств, доноров, исследователей:.....	7
Для дальнейшего изучения и исследования:.....	8
Введение.....	10
Предмет исследования.....	10
Исследование проведено с целью выяснения и анализа:	11
Методология исследования.....	14
Ограничения	17
Первая глава: Кабинетное исследование	19
Ситуация: концепции, вызовы, политика	19
РНЭ в ЦА: современные вызовы	21
- Государственные меры по ПНЭ	22
Превалирующее объяснение радикализации и экстремизма.....	25
Публичный дискурс и информационная экосистема	28
Заключение.....	33
Глава 2: Интервью	35
Сравнительные выводы.....	48
Глава 3: Опросы.....	52
Источники информации: предпочтения	54
Доверие к источникам информации	61
Использование социальных сетей и мессенджеров	68
Интерес к информации религиозного характера.....	71
Выводы по результатам опроса.....	76
Заключение по отчету и рекомендации.....	79
Заключение.....	79
Рекомендации	83

Введение

Предмет исследования

Центральная Азия отправила большое число наемников в Сирию и Ирак и стала центром радикализации и насильственного экстремизма и терроризма⁷. Война в Сирии утихла на данный момент, и «Исламское государство» (ИГ), которое, по сообщениям, привлекало тысячи наемников со всего мира, утратило значительную часть своей территории и силы. Следовательно, угроза участия в войне в Сирии или где-либо еще в рядах ИГ для жителей ЦА в 2019-м не является такой же актуальной, как два года назад. Однако возвращение наемников в родные страны, радикализация новых людей, активизация новых групп остаются особой угрозой для региона⁸.

Ежедневно в новостях появляются сообщения о событиях или инцидентах, связанных с экстремистскими или радикальными действиями. Регулярно в СМИ появляются новые публикации, предлагающие анализ радикализации. По сообщениям, в ЦА регулярно проходят важные встречи государственных чиновников, международных организаций, экспертов и/или военных, каждый из которых принимает решения и соглашения⁹. Радикализация и схожие темы, очевидно, остаются на повестке дня в странах ЦА, в масс-медиа с многочисленными экспертами и институтами.

Данное исследование проведено, чтобы переосмыслить практический и конструктивный подходы к вызовам радикализации, насильственного экстремизма, терроризма в ЦА: в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Центральной темой исследования были информация и коммуникация: основная теория заключается в том, что люди – индивидуумы и общество в целом – формируют свои идеи, мнения и восприятия, аргументы и предпочтения на основе того, что они слышат, читают и смотрят. Государства и другие акторы, включая группы, которые вербуют людей, считают так же и пытаются работать по этим принципам. Проанализированные многочисленные видео и другие формы информации от «Исламского государства» свидетельствуют об этом¹⁰.

⁷ Точное число боевиков из ЦА неизвестно и варьируется в пределах от 2 000 до 4 000; цифры по отдельным странам также варьируются. Установить точное число боевиков не представляется возможным, так же как и число боевиков из ЦА в Сирии и Ираке. Более детально см. Ричард Барретт «За пределы халифата: иностранные боевики и угроза возвращения», Soufan Group, октябрь 2017 г., на: <http://thesoufancenter.org/wp-content/uploads/2017/11/Beyond-the-Caliphate-Foreign-Fighters-and-the-Threat-of-Returnees-TSC-Report-October-2017-v3.pdf>

⁸ См.: Международный центр по изучению радикализации, «За пределы ИГИЛ и «Аль-Каиды»: длинный хвост глобального исламистского насилия», 2018 г. – для краткого изучения до сих пор активных, но часто не изученных экстремистских групп.

⁹ Недавним таким событием было проведение на высоком уровне конференции по противодействию терроризму и предотвращению насильственного экстремизма в Душанбе, которую спонсировали ООН, ОБСЕ и Королевство Катар в числе остальных. См. <http://www.dushanbeconf2018.tj/about-conference>

¹⁰ Ноа Такер «Ответы общества и государства на сообщения ИГИЛ», CERIA Briefs Nos. 11-15, февраль 2016 г.; SFCG «Сообщения, картины и медиаканалы в радикализации молодежи Кыргызстана», январь 2017 г.; UNESCO «Молодежь и насильственный экстремизм в социальных сетях: картография исследования», 2017 г.

Исследование проведено с целью выяснения и анализа:

- местных движущих сил для экстремистских идей;
- информационных потоков;
- достоверных источников информации;
- видов поддержки, необходимых для усиления местных голосов.

Другими словами, целью исследования были изучение насильственного экстремизма и понимание того, как предотвратить его в сфере информации и коммуникации. Контрнарративы государства и гражданского общества являются активной мерой в предотвращении насильственного экстремизма и противодействии ему¹¹. Контрнарративы рассматриваются как более подходящие и законные методы по сравнению с карательными мерами правоохранительных органов и репрессивного аппарата, которые многие государства, особенно в ЦА, часто практикуют. Это считается также менее затратным и быстрым, чем решение глубоких структурных проблем, таких как дискриминация, экономика, плохое образование, отсутствие знаний о религии и т. д., и акцент делается на людей, дабы уберечь их от вербовок для экстремизма и радикализма. Тем не менее эффективность контрнарративов и успех в предотвращении радикализации, формирование продуктивных и точных повествований по соответствующим темам, достижение критической массы и взаимодействия оценить сложно¹².

Данное исследование направлено на то, чтобы по-новому взглянуть на коммуникацию и информацию, поскольку они связаны с радикализацией, экстремизмом и его предотвращением. Цель состояла в том, чтобы понять информационную экосистему, или информационный ландшафт в этих обществах, которые характеризуют все аспекты информационных и коммуникационных потоков. В настоящем применении *информационная экосистема*, или ландшафт, – это не узкий технический термин, используемый в коммуникациях, а широкая ссылка на большой выбор источников информации; разнообразие формата и контента; акторов, формирующих информацию, и их стратегии общения; модели и предпочтения в информации и коммуникации; обратную связь от общества; влияние таких стратегий на то, как люди думают и действуют в соответствующих ситуациях. Другими словами, информационная экосистема заботится обо всех элементах, состоящих из экосистемы и ее интерактивных моделей.

Наличие более ясного и критического понимания информационной экосистемы позволило бы укрепить позиции для дальнейшей разработки политики и программ, направленных на достижение социально значимых целей, таких как П/ПНЭ, дерадикализация и реабилитация, а также на

¹¹ См.: SFCG «Социальные сети к П/ПНЭ: инструментарий для пользователей», 2017 г.

¹² См.: UNESCO «Молодежь и насильственный экстремизм в социальных сетях: картография исследования», стр. 36-37 – сомнения насчет эффективности такой стратегии, а также SFCG «Социальные сети к П/ПНЭ: инструментарий для пользователей», стр. 22-23 – более оптимистичный, но сдержанный совет.

продвижение здорового и адекватного понимания соответствующих тем, таких как религия, терпимость и светскость.

Результаты исследования показывают, что цель проекта, понимаемая с критической точки зрения, изложенной выше, достигнута. После нескольких месяцев всестороннего и углубленного изучения существующей литературы и публикаций в СМИ, глубинных интервью и репрезентативных опросов об информационных экосистемах и о том, как они взаимодействуют с радикализацией и экстремизмом, можно сказать, что получена исчерпывающая картина современной информационной экосистемы в Центральной Азии, в первую очередь на примере Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

Некоторые из наиболее общих и интересных выводов исследования заслуживают особого внимания в шести основных пунктах. Эти выводы усиливают необходимость точного анализа и понимания движущих сил радикализации и насильственного экстремизма в Центральной Азии, подчеркивают различия и тенденции среди изученных обществ в отношении источников информации, ее потребления и доверия к ней и – не в последнюю очередь – отношение респондентов к религии вообще. Эти выводы в первую очередь основаны на интервью и опросах, проведенных в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, поэтому относятся главным образом к этим трем государствам.

Во-первых, в многочисленных исследованиях не было различия между радикализацией/экстремизмом и мирной практикой ислама. В связи с этим возникла определенная напряженность между светскостью и религиозностью. Страны и другие агенты часто способствовали такой напряженности и не предлагали пути для устойчивого сосуществования религии и светскости в этих идеологически напряженных постсоветских обществах¹³.

Во-вторых, в дополнение к вышесказанному подавляющее большинство респондентов разного возраста и происхождения придерживалось благоприятных взглядов в отношении растущей роли и присутствия религии в своих обществах, утверждая, что растущее место религии в обществе основано на положительном влиянии религии на мораль и поведение. Мало людей высказало противоположные мнения.

В-третьих, во всех трех изученных государствах было большое разнообразие источников информации и контента. Однако существуют различия в предпочтениях людей и потребностях информации, а также в эффективности источников информации. Эти различия имеют самое прямое отношение к преобладающему режиму публичного дискурса – зачастую режимы, в которых доминирует государство, информируют все общественное пространство о религии, радикализме и терроризме. Выявлен четкий диапазон трех уровней. В Таджикистане самая ярко выраженная дискурсивная гегемония, в Кыргызстане – самая слабая, а в Казахстане – средняя, более близкая к

¹³ См.: Дэвид Леви «Импульс к ортодоксальности», *Religion, State and Society*, 2018 г. – для критического обсуждения политически мотивированных суждений государства на тему религии.

Таджикистану. Судя по доступным материалам, Узбекистан и особенно Туркменистан, похоже, больше склоняются к более сильной дискурсивной гегемонии¹⁴.

В-четвертых, доверие граждан СМИ было неоднозначным. Во всех трех странах во время глубинных интервью люди говорили, что потребляют информацию критически и даже скептически, демонстрировали осведомленность о предубеждениях в СМИ, но в то же время, как в интервью, так и в опросах, большинство, по-видимому, доверяет государственным телеканалам и официальному источнику информации. Это несоответствие может быть объяснено тем, что люди понимают: надо смотреть на информацию критически, но они не всегда могут быть такими осведомленными, частично из-за отсутствия навыков критического мышления, частично из-за отсутствия выбора или получения определенного сообщения со стороны государства¹⁵.

В-пятых, практически все респонденты критиковали радикализм – этот термин использовался в интервью и других опросах негативно. Однако они, как правило, не могли или не желали сформулировать его определение, считая радикализм просто экстремистскими взглядами, нарушением определенных границ, фанатизмом и т. д. Салафизм и ваххабизм были типичными определениями исламского радикализма.

В-шестых, говоря о факторах и движущих силах радикализации, респонденты упомянули экономические, политические, идеологические факторы, а также молодой возраст, плохое образование, плохое толкование ислама и роль вербовщиков. Кроме того, по мнению респондентов, трудовые мигранты и женщины не являются уязвимыми перед радикализацией. Мало кто упомянул интернет и доступность радикальных сообщений в качестве факторов радикализации. Люди с непосредственным опытом в экстремизме отметили: онлайн-общение является следствием, а не причиной, и прямое личное общение или знакомство между наемниками и вербовщиками предшествовали общению в интернете.

Радикализация – большая проблема, включающая в себя множество факторов, и работа по предотвращению насильственного экстремизма и борьбе с ним явно не является простой задачей. Стоит повторить, что важным и, возможно, наиболее эффективным фактором в этой области являются информация и коммуникация. Усиление работы как традиционных, так и новых форм медиа и информации, понимание и формирование информационных экосистем с целью повышения устойчивости сообществ и индивидуумов с акцентом на развитие способов критического потребления информации – это, по-видимому, является действенным и реалистичным подходом к работе по предотвращению радикализации. Настоящее исследование и обширный проект, реализуемый Интерньюс и финансируемый Европейским союзом во всех пяти государствах Центральной Азии, являются движением в этом направлении.

¹⁴ Без «полевого» исследования, которое не проведено в двух странах, невозможно сформулировать сильные и конкретные заключения относительно потребления информации и дискурса.

¹⁵ Гипотеза, основанная на наблюдаемой модели и корреляции, однако, требует более фокусированного исследования.

Логика, лежащая в основе проекта, заключается в том, что П/ПНЭ наряду с другими усилиями требуют взаимодействия с населением, радикальными агентами и коммуникациями в информационном и коммуникационном пространстве. Результаты настоящего исследования, приведенные на страницах ниже, подтверждают этот подход и указывают на способы эффективной работы в области информации и коммуникации против радикализации.

Методология исследования

Данный исследовательский проект, учитывая основные вопросы, изложенные выше, – движущие силы экстремистских идей, соответствующие информационные потоки, доверительные источники информации и роль умеренных голосов, – был направлен на выяснение взаимосвязи двух крупных субъектов – радикализации и информационных экосистем. Целью данного проекта было понять факторы и движущие силы радикализации и экстремистских идей, информационные потоки, которые способствуют радикализации, а также решить вопросы доверия, предпочтений и моделей потребления информации. Как отмечалось выше, теория, лежащая в основе такого исследования, заключается в том, что радикализация в значительной степени происходит в результате информации, которую люди получают (читают, смотрят, слышат), а П/ПНЭ должны предоставлять такую информацию, которая отвечала бы потребностям людей, объясняла бы вопросы, которые у них возникают, озвучивала бы проблемы, которые они испытывают, и усилила бы умеренные голоса.

В отчете такой термин, как «радикализация и насильственный экстремизм» (РНЭ), используется в качестве основной ссылки на обсуждаемую проблему. РНЭ – широкий и нейтральный термин для охвата целого ряда проблем. Термин «терроризм» не подразумевается в РНЭ и не упоминается под своим собственным именем. В дополнение к РНЭ, однако, в тексте иногда просто говорится «радикализация» или «радикализм». Слово «радикализм» использовалось в опросах как относительно простое слово, которое обычный человек может понять. Концепции (и сокращения), такие как «предотвращение» и/или «противодействие насильственному экстремизму» (П/ПНЭ), используются в их общепринятом значении и часто вместе, что отражает оставшиеся споры об этих двух концепциях и подходах.

Кроме того, в данном исследовании неизбежно употребляется слово «религия». Оно используется в основном для обозначения социального феномена, практики и предмета дискуссий респондентов в интервью. Употребление данного слова не претендует на обсуждения богословия, религиозного учения и философии, что выходит далеко за рамки настоящей работы.

И, наконец, в целях последующего обсуждения важно отметить термин «целевая аудитория» или «целевые группы». Как показано в данном исследовании, группа, которая рассматривается как «целевая группа» для особого внимания П/ПНЭ, является открытой для обсуждений как «цель». В методологических дискуссиях, подобных этой, принято использовать термин «целевые группы». Такой язык, к сожалению, способен стигматизировать определенные группы и категории людей, даже если он использован с наилучшими намерениями. Для сообщества исследователей важно избегать такой стигматизации. Данный термин употребляется в отчете только для того, чтобы

читатель понимал его. В исследовании часто вместо словосочетания «целевые группы» (о большинстве участников глубинных интервью) используются словосочетания «обычные респонденты», «основная группа респондентов» или «неэкспертные респонденты».

Разъяснив основную терминологию, мы рассмотрим некоторые детали методологических подходов в данном исследовании. Географически должны быть охвачены все пять государств Центральной Азии, но с учетом трудностей в двух из них – Узбекистане и особенно Туркменистане¹⁶ – фокус внимания был только на трех: Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Поскольку информация об Узбекистане и Туркменистане может быть неточной без исследования на местах, последние две были включены только в кабинетное исследование.

Исследование состоит из трех компонентов: кабинетное, качественное и количественное.

В ходе кабинетного анализа проведен критический анализ и получены общие сведения о радикализации в Центральной Азии, а также сделан обзор СМИ и информационных экосистем, освещающих радикализацию. Целями кабинетного исследования были установить существующие причины радикализации в регионе; адресовать проблемы акторам; установить и очертить объем и разнообразие соответствующей информации; понять преобладающие характеристики информационных экосистем в этих странах. Период обзора для литературы составил 2013-2018 годы, с тех пор как ИГ стала основной проблемой в Центральной Азии. Период анализа СМИ был короче, с 2015 по 2018 год, по причинам реализации и желания охватить то, что наиболее заметно.

Качественные интервью, проведенные в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, – это более 60 глубинных и полуструктурированных интервью в каждом государстве, всего 201 интервью¹⁷. Большая их часть (155 интервью) проведена с обычными респондентами, не являющимися экспертами, с особым вниманием к выборке из трех основных категорий: молодежь, женщины и трудовые мигранты. Каждая из этих категорий представляет собой широкий слой населения, и опрошенные респонденты отражают разнообразие по возрасту, социально-экономическому статусу и полу. В Казахстане, который не является основным источником трудовых мигрантов за рубежом, респонденты, отобранные по этой категории, были в основном внутренними мигрантами. Отбор респондентов осуществлялся по методу «снежного кома» специально (для охвата трех вышеуказанных групп) и случайным выбором. Интервью были полуструктурированными¹⁸. Мы не будем представлять цифры и количество результатов с интервью, дабы не ввести читателя в заблуждение и не исказить модели вопросов¹⁹.

¹⁶ Обе страны являются нарушителями прав человека, гражданских и политических свобод и верховенства права. Например, оба эти государства получили по 7.0 балла (самые худшие) в индексе свободы в мире в отчете «Фридом Хаус» за 2018 год по сравнению с Таджикистаном (6.5), Казахстаном (6.0) и Кыргызстаном (5.0).

¹⁷ Разделение чисел по группам и странам приведено во Введении в главе 2.

¹⁸ Инструменты для интервью для всех трех групп – не экспертов, экспертов и ЛВЭ респондентов – в разделе «Приложения» данного отчета.

¹⁹ См. объяснения причин в разделе «Ограничения».

Глубинные интервью проведены с экспертами во всех трех странах (исследователями, государственными и правительственными чиновниками, религиозными/теологическими экспертами, журналистами) и лицами, имеющими непосредственный опыт в экстремизме, – либо с ними самими, либо с членами их семей, причастных к экстремистской деятельности, и/или с обвиняемыми или осужденными за такую деятельность в Кыргызстане и Таджикистане. Интервью экспертов, всего 27, были направлены на то, чтобы получить более критические мнения этих респондентов по таким вопросам, как движущие силы насильственного экстремизма, государственная политика в П/ПНЭ, роль СМИ, и другим нерешенным проблемам. Интервью экспертов отобраны в каждом государстве на основе результатов предыдущих работ соответствующего эксперта и общественного мнения о нем.

Интервью с людьми, которые имели прямой опыт в экстремизме и/или обвинялись, в общем, с людьми, причастными к экстремизму/экстремистской деятельности ЛВЭ, можно было провести только в Кыргызстане и Таджикистане. В Казахстане такой возможности не было. Не все респонденты ЛВЭ были причастны к экстремизму – в ряде случаев они были членами семей таких лиц. Интервью с респондентами ЛВЭ были фокусированы на том, чтобы узнать их истории об экстремизме, радикализации, мотивации и причинах таких действий, а также в некоторой степени о последствиях их действий. Их не спрашивали об отношении к религии, государству, политике и т. д., потому что такие ответы, скорее всего, будут неточными.

Третьим компонентом проекта была серия опросов: 600 респондентов опрошены в каждой стране – Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане – с фокусом на изучении способов потребления информации, ее источников и доверия к информации о религии²⁰.

Детали выборки опроса с основными разделениями на демографические группы представлены в третьей главе. Как правило, выборки были разнообразными и отражали население в географическом и демографическом отношении, хотя, возможно, и не являлись строго статистически репрезентативными из-за использования методов выборки «по доступности» и методом «снежного кома». Три переменные – география, образование и профессия, будучи не дихотомическими, не являются статистически значимыми в выборке только 600 респондентов. Наиболее статистически достоверные и эмпирически доказанные результаты можно увидеть по трем другим демографическим параметрам: село или город, пол и возраст. Последний, хотя и не дихотомический, является непрерывной переменной, результаты которой можно сгруппировать и дихотомизировать (на «молодые» и «пожилые» возрастные группы). Поэтому при обсуждении результатов опроса эти три параметра были применены для выделения конкретных моделей интересов. Но самым систематическим и в конечном итоге выявляющим наибольшее разнообразие был совокупный анализ на страновом уровне, в котором сходства и различия между тремя государствами были наиболее очевидными.

Таким образом, данный исследовательский проект был основан на мультиметодологическом подходе с использованием нескольких методов одновременно. Такой дизайн позволил обеспечить

²⁰ Опросник, использованный в данном исследовании доступен у авторов исследования!

высокий уровень перекрестной проверки и триангуляции результатов. Но, как и в случае с наиболее сложными и масштабными исследовательскими проектами, некоторые ограничения были очевидны, они требуют дальнейшего изучения.

Ограничения

Изначально планировалось включить Узбекистан и Туркменистан без «полевого исследования», и по Узбекистану был нанят специалист для проведения кабинетного исследования. Поскольку специалист присоединился к проекту лишь частично и только на поздних сроках, ему было трудно предоставить полные и достоверные данные. Туркменистан остается крайне закрытым, что признают все, кто пытался изучать эту страну. Узбекистан, республика, которая стала более открытой для международного сотрудничества с середины 2016 года, заслуживает серьезных исследований внутри государства, но его по-прежнему трудно изучать извне. Очевидно, проблема заключается в попытке охватить такой большой и важный кейс на расстоянии, не говоря уже об обобщении результатов исследования с тремя другими странами. Поэтому одной из ключевых рекомендаций для дальнейшего изучения в нашем исследовании является более полное изучение Узбекистана.

Другим ограничением, вытекающим из сжатых сроков и ресурсов проекта, было число респондентов, которых пришлось сократить до 600. Хотя это число является допустимым значением для совокупных исследований таких общих социальных явлений, как использование информации, оно слишком маленькое для подробного перекрестного анализа и подвержено риску необоснованных обобщений.

Еще один пересмотр методологических подходов был связан с географическим таргетированием при проведении глубинных интервью и составлении первоначально запланированных полевых отчетов или профилей конкретных местоположений. Хотя даже два или три года назад было бы уместным говорить о конкретных местах, наиболее подозрительных с точки зрения распространения экстремизма, в настоящее время ряд доказательств и свидетельств говорит о том, что такая конкретная ориентация не будет иметь особого смысла.

В ходе исследования возникла еще одна проблема – измерение некоторых вопросов по интересам разных групп в сфере информации и коммуникации. Определенный уровень точности зафиксирован в отношении использования источников информации, предпочтений и моделей доверия путем проведения трех общенациональных опросов. Они не указывают на содержание информации, а также на чувствительность и дискурс тех, кто потребляет информацию. Это обеспечивается анализом глубинного интервью, где измерение проходит не в количественной, а в качественной форме. Что касается глубинного интервью, в отчете применяются интерпретационные подходы к анализу, и на автора ложится ответственность за точное предоставление результатов. Внимательно прочитав и сделав записи по транскрипциям интервью, прошедших первичный и широкий уровень тематического кодирования, автор обобщил и выделил замечания, относящиеся к предмету изучения, на языке, который объединяет прямую речь с повторяющимися паттернами. Такие паттерны затем сообщаются как ответы и взгляды, разделяемые «немногими», «многими» или «большинством» и другими словесными повторяющимися выражениями. Таким образом,

качественный элемент отчета может не иметь точные цифры. Эти цифры произвольные, они всегда подвержены колебаниям и интерпретации. Повторим: эти примечания относятся к качественному компоненту данного исследования, а не к количественному.

Последнее, что следует отметить в качестве методологического ограничения здесь, как и, возможно, в любом исследовании по теме РНЭ, – это чувствительность темы и скрупулезность при чтении, интерпретации и обобщении результатов. Исследователи в данной области были проинструктированы и уже имели достаточный опыт в проведении интервью, чтобы расположить к себе респондентов и укрепить в них уверенность при разговоре с нашими исследователями без боязни открытых ответов.

Чтобы увеличить точность и открытость ответов на поставленные вопросы, глубинные интервью проведены с респондентами, отобранными методами «доступной» выборки и «снежного кома», и часто с людьми, которые чувствовали себя комфортно, разговаривая с нашими исследователями по таким темам. В качестве общего ограничения метода «невероятностной выборки» важно помнить, что выборки для глубинного интервью не являются национально репрезентативными или чисто случайными. Но даже при таком выборе, как видно из многих транскрипций, респонденты не были полностью открытыми и говорили осторожно и сдержанно. В будущих подобных исследованиях должны быть еще более эффективные методы преодоления барьеров, создаваемых чувствительностью темы, включая, возможно, наблюдение участников и неучастников и неинтрузивные.

Несмотря на эти ограничения, конечный результат данного исследования считается ценным для дальнейшей разработки более эффективных и более продуманных, конструктивных и комплексных интервенций, в частности, коммуникативных и информационных стратегий, для достижения большей устойчивости среди заинтересованных сторон к РНЭ и терроризму.

С критической точки зрения настоящего исследования и вопросов радикализации и насильственного экстремизма наиболее реалистичной целью политики должно быть построение устойчивых сообществ, граждан и семей. Противодействие насильственному экстремизму или предотвращение каждого случая, когда отдельные лица впадают в насильственный экстремизм, нереально. Реальным является создание еще более сильной и устойчивой силы в сообществах, что в свою очередь может позволить им – как сообществам, семьям, друзьям и отдельным лицам – остановить распространение опасных форм радикализации. Вопрос о том, как создать эту устойчивость к РНЭ, в свою очередь приводит к информационным экосистемам и их месту в формировании дискурсов, общения, понимания и отношений, которые способствуют устойчивости. Большинство результатов настоящего исследования предлагают способы работы с информацией и коммуникацией для улучшения ситуации во всех соответствующих государствах Центральной Азии.

Первая глава: Кабинетное исследование

В этой части отчета изложены основные темы и проблемы существующих знаний о радикализации и экстремизме в Центральной Азии. Этот раздел – обзор ситуации по данной теме, он описывает текущую ситуацию с РНЭ в регионе, основные проблемы и основные характеристики государственных подходов к П/ПНЭ, а затем кратко обсуждает основные движущие силы РНЭ в Центральной Азии и информационные экосистемы стран региона, то есть как информационные потоки там функционируют и работают. Во всех этих задачах цель состоит не столько в том, чтобы предоставить исчерпывающий обзор всей соответствующей литературы и документации, сколько в том, чтобы дать краткое изложение соответствующих исследований и состояния дел для обеспечения дальнейшего анализа материалов в области исследовательской деятельности по этой теме. Все части этой главы, рассматриваемые в комплексе, помогают получить представление о начальной структуре информационных экосистем в государствах Центральной Азии, касающихся РНЭ и ПНЭ.

Ситуация: концепции, вызовы, политика

- Посредством спорных концептуальных моментов

Данный отчет не ставит своей целью рассуждать о концепциях радикализации и экстремизма. Но поскольку предметом исследования является то, что охватывает эти концепции, необходимо признать эти споры и объяснить используемую здесь терминологию. Важнее всего то, что проблема связана с религией, с исламом в частности, и со всеми вопросами, имеющими отношение к радикализации.

Недавний случай в Центральной Азии показал, как группа ученых, в основном из западных университетов, выразила недовольство публикациями Международной кризисной группы (МКГ) по радикализации в Центральной Азии²¹. Критика публикаций МКГ была разной, но основная концептуальная состояла в том, что МКГ связывает мирную исламскую практику с радикализмом. Ислам в их отчете представлен как идеологическая оппозиция политическому режиму

²¹ ICG «Сирия зовет: Радикализация в Центральной Азии», 20 января 2015 г., на <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/syria-calling-radicalisation-central-asia> и «Кыргызстан: Государственная уязвимость и радикализация», 3 октября 2016 г., на: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kyrgyzstan/kyrgyzstan-state-fragility-and-radicalisation>

Джон Хитершоу и Дэвид Монтгомери «Миф постсоветской мусульманской радикализации в республиках ЦА», Chatam House, ноябрь 2014 г., на <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/20141111PostSovietRadicalizationHeatHershawMontgomeryFinal.pdf> и Открытое письмо ученых ЦА с ответами МКГ, «Понимание исламской радикализации в Центральной Азии», *The Diplomat*, 20 января, 2017 г.: <https://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia/>

(авторитаризму), и в более широком смысле растущая практика ислама в регионе увязывается с ростом радикализации²².

Споры об исламе также произошли в 2015 году между двумя известными французскими учеными по политическому исламу – Оливье Роем и Жилем Кепелем – после серии террористических актов, охвативших Францию²³. Чтобы использовать правильную трактовку, мнения ученых разошлись в том, были ли эти акты связаны с радикализацией ислама (позиция Кепеля) или «исламизацией радикализма» (позиция Роя). Кепель утверждал, что радикальные направления ислама объединяют людей и мобилизуют их под радикальными и насильственными призывами к абсолютной справедливости и, следовательно, радикализм и экстремизм связаны в исламе²⁴. Рой же, с другой стороны, утверждал, что ислам используется только как знамя, мобилизующее людей и группы, у которых есть обиды и радикальные идеи, независимо от ислама. «Они становятся радикалами не потому, что они неправильно поняли тексты или ими манипулировали. Они радикальны, потому что хотят таковыми быть, им нравится радикализм», – написал он в своей книге²⁵. Споры Роя и Кепеля, возможно, отражаются и в противоположных взглядах на место ислама в радикализме и насильственном экстремизме в ЦА тоже²⁶.

Основной проблемой в обоих вышеупомянутых спорах является отношение к религии, в частности к исламу, в дискуссиях о радикализации и экстремизме. Не занимая позиции между МКГ и их критиками или между Кепелем и Роем, наше исследование признает, что религия присутствует, и она не может игнорироваться или подавляться дискуссиями о радикализации. Игнорирование или подавление будет либо произвольным, либо неискренним, либо и тем, и другим. Важно, однако, оставаться критичным при рассмотрении причинно-следственной связи между исламом и радикализацией. Поэтому, чтобы увидеть, где встречаются религия и радикализация, а где нет, данное исследование систематически фокусируется на религии – не на религиозной доктрине и теологии, а на религиозной практике и на отношении к религии и религиозности среди информантов исследования.

²² Хитершоу и Монтгомери «Миф постсоветской мусульманской радикализации в республиках ЦА», публикации CEDAR, 2016 г.

²³ Адам Носситер «Тот Игнориус': Горькие соревнования двух французских ученых по радикальному исламу», *The New York Times*, 12 июля, 2016 г.: <https://www.nytimes.com/2016/07/13/world/europe/france-radical-islam.html>; Сесиль Даума «Оливье Рой и Жиль Кепель, спор французских по джихадизму», *Liberation*, 14 апреля, 2016 г.: https://www.liberation.fr/debats/2016/04/14/olivier-roy-et-gilles-kepel-querelle-francaise-sur-le-jihadisme_1446226

²⁴ Например, Жиль Кепель «*Террор во Франции: Возрастание джихада на Западе*», Princeton, 2017 г.

²⁵ Оливье Рой «*Джихад и смерть: Глобальный призыв Исламского государства*», Oxford, 2017 г., стр. 42.

²⁶ Катерине Путз «Кепель vs Рой: Спор об исламе и радикализации», *The Diplomat*, 14 июля 2016 г.: <https://thediplomat.com/2016/07/kepel-vs-roy-arguing-about-islam-and-radicalization/>

Помимо основной проблемы, связанной с религией, другим вопросом для нас было, как сформулировать саму проблему в связи с присутствием многочисленных терминов, которые усложняют правильное название²⁷. В данном отчете в качестве компромисса в интересах удобства текста, сохранения нейтралитета между спорящими сторонами, охвата всех аспектов проблемы и понятности для читателей используется стандартный эталон по обозначению радикализации и насильственного экстремизма – РНЭ. РНЭ употребляется как термин наряду с «радикализацией» или «насильственным экстремизмом», или «радикализацией, ведущей к насильственному экстремизму», когда один из этих терминов является более подходящим, а термин «радикализм» использовался в опросах как самый понятный для обычного респондента в Центральной Азии. При использовании любой из этих ссылок цель настоящего текста состоит не в том, чтобы поддержать конкретную позицию, а в том, чтобы охватить рассматриваемый предмет наиболее понятным способом, не вводя читателя в заблуждение. Увы, полное решение концептуальных проблем в данном исследовании не совсем является возможным.

РНЭ в ЦА: современные вызовы

Примерно с 2017 года поток наемников и сторонников терроризма, направляющийся из Центральной Азии на Ближний Восток, серьезно уменьшился, поскольку ИГ и другие террористические организации были ослаблены сирийскими, иракскими и международными антитеррористическими операциями. Если несколько лет назад проблемой было число людей, направляющихся в Сирию, то в последнее время она связана с возвращением наемников обратно в регион²⁸. С их боевыми и соответствующими навыками, возможно, с поврежденным психологическим состоянием и усиленными экстремистскими взглядами, вернувшиеся наемники могут представлять серьезную угрозу своим странам²⁹. Однако, несмотря на то, что многие наемники вернулись, сложно установить их точное число, так как ни одного случая насилия или террористических актов с их стороны в регионе не зарегистрировано³⁰.

Наибольшую озабоченность вызывают внутренний терроризм, насилие и другие негативные явления, вызванные радикализацией, которые ведут к такому поведению. Случай убийства туристов в Дангаре (Таджикистан) является ярким примером того, что остается проблемой³¹. Сообщения о

²⁷ См. также Рэнди Борум «Радикализация, ведущая к насильственному экстремизму: Обзор теорий в социальных науках», *Journal of Strategic Security*, том 4, № 4, 2011 г.; Эрика Харпер «Реконцептуализация драйвов насильственного экстремизма: План для устойчивости детей и молодежи», WANA Institute, 2018 г., : https://www.tdh.ch/sites/default/files/tdh_wana_pve_en_light.pdf

²⁸ Например, Дамон Мэл «Схожесть факторов, сигнализирующих увеличивающуюся террористическую угрозу в Таджикистане», *CTC Sentinel*, ноябрь 2018 г., : <https://ctc.usma.edu/converging-factors-signal-increasing-terror-threat-tajikistan/>

²⁹ См. Ричард Барретт «За пределы халифата», The Soufan Group, 2017 г.

³⁰ См. про угрозу от вернувшихся боевиков: Дэвид Малет и Рашель Хайс «Возвращение иностранных наемников: Неопределенная угроза?», *Terrorism and Political Violence*, 2018 г.: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2018.1497987>

³¹ Четыре иностранных туриста на велосипеде были атакованы и убиты предположительно четырьмя молодыми мужчинами рядом с селом Дангара в Таджикистане 29 июля 2018 года – эта новость обновила обеспокоенность террористических угроз в регионе. ИГИЛ взяло ответственность на себя, но таджикское

предотвращенных террористических актах часто появляются в региональных СМИ. Это говорит о том, что проблема не теряет актуальности, хотя и не упоминается в ежедневных новостях из-за того, что такие действия на самом деле не происходят.

География самой радикализации также изменилась, хотя уровень угрозы значительно ниже по сравнению с прежними годами. Если в первые годы широкомасштабной вербовки наемников Центральной Азии в Сирию и Ирак – до 2015-2016 годов – определенные локации были основным местом вербовки, то в последнее время ее фокус сместился на разные части каждого из государств ЦА, и сейчас нет одного местоположения, где бы активно вербовали наемников. Такое смещение локаций может быть объяснено рядом причин: государственные службы органов безопасности вычисляют такие местоположения и таким образом закрывают любые группы по вербовке на местном уровне, уменьшаются случаи вербовки из-за внешних факторов (падение ИГИЛ), и, возможно, меняется тактика найма, которая стала менее локализованной и более мобильной. Однако следует еще раз подчеркнуть, что такое географическое смещение вызвано в целом малым количеством случаев радикальной вербовки.

Помимо этого, существует угроза перемещения наемников ИГИЛ в Афганистан и организации подрывных и террористических акций, направленных против стран Центральной Азии³². По сообщениям, в самом Афганистане ИГИЛ борется за контроль различных мест с талибами или правительством республики, что ведет к еще одной потенциальной линии конфликта и насилия³³. Хотя Афганистан по-прежнему остается нестабильным и все больше захватывается талибами и другими группировками, он по-прежнему будет вызывать серьезную обеспокоенность в плане безопасности для всех государств региона.

Другой проблемой, не новой, но все более заметной, является вопрос о политическом и социальном воздействии распространения ислама и реакции немусульман и атеистов. Некоторые случаи, когда семьи фундаменталистов не пускали своих детей в школу, и неоднозначные политические предложения, высказанные видными исламскими клерикалами, о которых сообщалось в СМИ, способствовали возникновению растущего раскола между практикующими мусульманами и атеистами. В связи с этим возникает недоверие к исламу в обществе, особенно это отчетливо наблюдается в социальных сетях.

- Государственные меры по ПНЭ

Страны Центральной Азии уже давно и активно преследуют экстремизм (основной правовой термин), и в течение долгого времени Узбекистан был известен тем, что в его тюрьмах содержались

государство обвинило запрещенную Исламскую партию возрождения. См. <https://www.rferl.org/a/tajikistan-terrorism-possible-attack-four-foreign-cyclists/29398154.html>

³² Аркадий Савицкий «ИГИЛ в Афганистане: ЦА видит риск проникновения», *Strategic Culture*, июль 2018 г.: <https://www.strategic-culture.org/news/2018/07/26/isis-afghanistan-central-asia-faces-risk-spillover.html>

³³ См. «Исламское государство Хорасан (ИГ-Х)», CSIS, 2018 г.: <https://www.csis.org/programs/transnational-threats-project/terrorism-backgrounders/islamic-state-khorasan-k>

тысячи человек по обвинению в экстремистской деятельности³⁴. Экстремизм является одной из трех основных проблем безопасности Шанхайской организации сотрудничества, членами которой являются все государства ЦА, кроме Туркменистана³⁵. Однако после событий на Ближнем Востоке, с войной в Сирии и подъемом Исламского государства, в этих странах была разработана новая, или обновленная и усовершенствованная, политика.

На самом широком уровне все государства признали экстремизм и терроризм в качестве основного, если не самого важного, источника угрозы их национальной безопасности и, соответственно, приступили к определению довольно широких масштабов государственной деятельности по противодействию угрозе. Обзор документов государственной политики всех этих стран (в случае Туркменистана в меньшей степени) вместе с широким спектром комментариев и критикой приводит к ряду замечаний относительно общих тенденций и акцентов в них.

- *Секьюритизация и фокус на репрессивные меры*

Несмотря на попытки уйти от этого, вся государственная политика по-прежнему определяется зависимостью от правоохранительных органов и органов безопасности, в основном под руководством соответствующих органов государственной безопасности. Экстремизм по-прежнему рассматривается главным образом как проблема безопасности и, в частности, проблема, которая требует противодействия с помощью силы, полицейской власти, слежки, арестов и т. д.³⁶. Именно в языке и инструментах государственной политики произошло слияние религии, с одной стороны, и радикализма и экстремизма – с другой.

- *Профилактические образовательные меры*

В большей степени, чем в прошлом, государства Центральной Азии стали больше работать с законными институтами религиозного управления – муфтиятами и подчиненными им структурами. Эта работа часто координировалась через соответствующие агентства по религиозным делам стран и вовлекала государственные учреждения по образованию, полицию/милицию, службы безопасности, местное самоуправление и т. д. Работа с муфтиятом и другими институтами была частью стратегии по продвижению законной и «традиционной» религиозной практики, развитию лучшего понимания и просвещения всех вовлеченных групп и учреждений по вопросам и доктринам

³⁴ Мансур Мирвалев «Тысяча узбеков-мусульман отправлена в тюрьму за экстремизм», Al Jazeera, 8 января 2016 г.: <https://www.aljazeera.com/news/2016/01/thousands-uzbek-muslims-jailed-extremism-160107110149439.html> Для краткого обзора по Узбекистану см. Проект противодействия терроризму «Узбекистан: экстремизм и контртерроризм», n.d.: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/UZ-01082018.pdf

³⁵ Интервью «Борьба против ‘трех зол’ остается главной задачей ШОС», XinhuaNet, 11 июля, 2017 г.: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/11/c_136435641.htm

³⁶ Неудивительно, что этот подход прослеживается во всех национальных стратегиях по борьбе с экстремизмом и терроризмом – Госпрограмма Казахстана на 2018-2022 гг., постановление правительства Кыргызстана на 2017-2022 гг., таджикская национальная стратегия на 2016-2020 гг.

религии и, что немаловажно, лучшего регулирования и надзора за деятельностью религиозных учреждений, таких как мечети и медресе³⁷.

- СМИ и пропаганда

Государственные органы, ответственные за официальную работу в сфере ПНЭ, также признали необходимость сотрудничества со СМИ в продвижении антиэкстремистских, умеренных взглядов, а также в повышении осведомленности об опасностях, дезинформации и разочаровании, которые связаны с присоединением к экстремистским группам. Во всех государствах пропаганда против экстремизма через СМИ была признана ключевой частью этой работы. В разной степени правительства во всех странах, по-видимому, инвестируют или поддерживают медиапроекты и образовательную и коммуникационную работу, включая теле- и радиостанции и программы, веб-сайты и печатные СМИ³⁸.

- Традиционный и нетрадиционный ислам

Другим новым подходом во всех государствах было проведение принципиальной линии различия между тем, что они называли «традиционной» и «нетрадиционной» формами ислама³⁹. Различие заключалось в стратегии, направленной на то, чтобы избежать всеобщего преследования ислама, что в любом случае было бы проигрышным, вместо этого определяя лишь некоторые формы и практики ислама как опасные и, следовательно, подлежащие строгому контролю, запрету или преследованию. Таким образом, во всех странах Ханафитская школа ислама была объявлена традиционным исламом, в некоторой степени дополненным местными элементами. «Нетрадиционный» ислам включает в себя широкий спектр групп и движений от «Хизб ут-Тахрира»⁴⁰ до ваххабизма, салафизма, «Таблиги джамаат»⁴¹ (кроме Кыргызстана) и др.

- Авторитарная политика

Основная сложность в эффективной работе по П/ПНЭ во всех странах Центральной Азии заключается в авторитарной, доминирующей роли государства и политического лидерства в обществе в целом и над институтами в частности. Успешное осуществление любой конструктивной, совместной, инновационной работы в ПНЭ затрудняется в условиях, когда независимая инициатива может привести к наказанию, когда государство обычно приказывает учреждениям и их лидерам –

³⁷ См., например: *Современные государства в борьбе против экстремизма: вызовы и решения на примере Кыргызстана*, Госкомиссия по делам религий КР, Бишкек, 2017 г.

³⁸ Все это описано в документах всех стран по борьбе с терроризмом и экстремизмом, обозначено в ссылке 22 выше.

³⁹ 'Традиционный ислам' – очень проблематичный, неясный термин, особенно среди исламских ученых. Однако он используется часто в официальных и экспертных языках в ЦА. Например, см. *Государственная политика в религиозной сфере: законные основания, концепции и «традиционный ислам» в Кыргызстане*, Госкомиссия по делам религий, Бишкек, 2015 г. и «Традиционный ислам 'по-казахски' против ваххабитской идеологии», интервью казахского эксперта, 28 октября 2016 г.: <https://camonitor.kz/26016-tradicionnyy-islam-po-kazahski-protiv-vahhabitskoy-ideologii.html>

⁴⁰ «Хизб ут-Тахрир» – запрещенная экстремистская организация во всех пяти государствах ЦА.

⁴¹ «Таблиги джамаат» – запрещенная как экстремистская в четырех странах ЦА, кроме Кыргызстана.

формально автономным муфтиятам – выполнять конкретные задачи и где ограничительные и репрессивные государственные меры сочетаются с отсутствием верховенства права и правовой защиты, а также с повсеместной коррупцией⁴².

Таким образом, политика и общие подходы государств ЦА были несколько динамичными, растущими усилиями правительства. Страны участвовали в многочисленных международных и региональных дискуссиях по вопросам П/ПНЭ. Несомненно, многие положительные изменения, такие как повышение внимания к образованию, работа со СМИ и коммуникация, были, по крайней мере, отчасти результатом такого взаимодействия⁴³. Но заметная роль принудительных государственных органов в условиях слабого правопорядка и сложности с осуществлением правосудия остается ключевой проблемой во всех этих государствах⁴⁴.

Превалирующее объяснение радикализации и экстремизма

Конечная цель большинства исследований, изучений и дискуссий о радикализме и экстремизме в Центральной Азии, как и везде, заключается в установлении причин или движущих сил таких явлений. В последние годы прямые и непосредственные факторы были выдвинуты как наиболее убедительные в основной массе литературы по этому вопросу, как перечислено ниже. Они представлены здесь, разумеется, как не столько убедительные, сколько преобладающие движущие факторы, и все они имеют аргументы «за» и «против». Можно, конечно, перечислить больше объяснений, кроме тех, которые приведены ниже⁴⁵:

- а) Экономические причины. Наемникам предлагали или обещали очень большое вознаграждение, и в погоне за легкими и большими деньгами и/или в стремлении погасить свои кредиты, улучшить условия жизни они попались на этот обман⁴⁶. Для экономических причин, объясняющих радикализацию, существует предположение, что есть вербовщики, которые делают предложения, агенты, которые могут заплатить (полностью или частично), и завербованный субъект, который остро нуждается в деньгах.
- б) Политические причины. Люди радикализировались и вступали в экстремистские группировки, видя в них способ протеста против несправедливых, репрессивных режимов или

⁴² См. Эдвард Лемон «Формирование устойчивых светских граждан: ответ Таджикистана на Исламское государство», *Caucasus Survey*, выпуск 4, № 3, 2016 г.

⁴³ Например, встреча на высшем уровне прошла в Душанбе в 2016 году. Она очертила ряд проблем и подходов: http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Dushanbe_Report_Final.pdf

⁴⁴ Для критической дискуссии по государственной политике в ЦА см. Сара Лэйн «Стратегии по противодействию терроризму и экстремизму в ЦА», *Asian Affairs*, выпуск 47, № 3, 2016 г.

⁴⁵ Интересной, хотя и неверной, является гипотеза в книге Диего Гамбетты «Инженеры джихада» относительно типа тренинга или профессии наемников: среди наемников преимущественно с Запада в его анализе особенно много было людей с инженерскими навыками. Основываясь на таких данных, конечно, было бы легко делать выводы, что все инженеры в подозреваемой группе. Это было бы неверно.

⁴⁶ См. Мохаммед Эльшими и др. «Понимание факторов, содействующих радикализации среди трудовых мигрантов из ЦА в России», RUSI, апрель 2018 г.:

https://rusi.org/sites/default/files/201804_op_understanding_radicalisation_in_central_asia.pdf; IOM «Уязвимости мигрантов и потребности в интеграции в ЦА», Астана, 2017 г.

дискриминации со стороны государственных органов⁴⁷. Это было верным объяснением для многих случаев радикализации среди граждан Кыргызстана узбекского происхождения после 2010 года, тогда как для граждан Таджикистана или Узбекистана этот фактор применяется в аспекте репрессивного политического режима, а не дискриминации по этническому признаку⁴⁸.

- с) Идеологические причины. Радикализация была результатом принятия человеком какой-то очень нетерпимой, фундаменталистского толка, религии, которая отрицает сосуществование с теми, кто не разделяет такую же точку зрения и, более того, рассматривает другие точки зрения, системы ценностей и идеологии как развращающие свою, собственную, вновь принятую веру и, следовательно, враждебную ей⁴⁹. Такого мнения придерживается и Жиль Кепель.

К этим широким и основным факторам, которые могли бы объяснить радикализацию и присоединение к экстремистским группам, можно добавить несколько способствующих факторов. Способствующие факторы здесь упоминаются, потому что сами по себе они не были бы достаточно верными, чтобы привести человека к радикализации и насильственному экстремизму.

- d) Молодежь. Это самый широкий и наиболее общепризнанный способствующий фактор⁵⁰. Из всех вышеперечисленных ключевых факторов – экономических, политических или идеологических – молодежь, – пожалуй, наиболее восприимчивая группа. Недостаток жизненного опыта, юношеский «максимализм» и т. д. – достаточные аспекты, по которым вероятность молодых людей быть завербованными очень высока.
- e) Трудовая миграция. Эта категория была сильно гипотетизирована как объект радикализации⁵¹. Нахождение вдали от дома (означающее одиночество и отсутствие какого-либо контроля), подверженность систематическим трудностям и злоупотреблениям, недостаточность условий жизни и работы – все эти условия приводятся в качестве объяснения уязвимости мигрантов перед вербовкой.

⁴⁷ ICG «Сирия зовет», op. cit.

⁴⁸ Например, см. Юлия Иоффе «Почему Узбекистан экспортирует так много террористов?», *The Atlantic*, 1 ноября 2017 г.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/11/uzbekistan-terrorism-new-york-sayfullo-saipov/544649/>

⁴⁹ ICG «Сирия зовет», op. cit.; Ерлан Карин «Солдаты халифата: анатомия террористической группы», Астана, 2016 г.

⁵⁰ Например: Эльшими и др. «Понимание факторов, содействующих радикализации», op. cit.; SFCG «Сообщения, картины и медиаканалы молодежной радикализации в Кыргызстане», январь 2017 г.; Серафин Алава и др. «Молодежный и насильственный экстремизм в социальных сетях: картография исследований», UNESCO, 2017 г.; Эдвард Лемон «Профилирование таджикских боевиков в Сирии», сентябрь 2014 г.: <https://excas.net/2014/09/profiling-tajik-fighters-in-syria/>; Erica Harper Reconceptualizing the Drivers of Violent Extremism: An agenda for child and youth resilience, WANA Institute, 2018 г.

⁵¹ Например: Ноа Такер «Исламское государство шлет сообщения мигрантам из ЦА в России», февраль 2015 г.: <http://centralasiaprogram.org/archives/6982>; ИОМ «Уязвимости мигрантов и потребности в интеграции в ЦА»; Эльшими и др. «Понимание факторов, содействующих радикализации», op. cit.; Эдвард Лемон «Профилирование таджикских боевиков в Сирии».

- f) Гендер. Утверждение о том, что женщины подвержены радикальной вербовке, в частности больше мужчин в Центральной Азии, неверно⁵². Утверждается, что статус женщин в патриархальных культурах этих обществ толкает их на радикальные и экстремистские действия с целью получения свободы и эмансипации. В то же время, однако, имеются свидетельства того, как женщины приводят в экстремистские группы мужчин и других женщин, следующих в такие группы за их мужьями или родственниками-мужчинами.
- g) Образование. Недостаточное образование или его отсутствие делает людей уязвимыми для вербовки по радикальным и экстремистским причинам⁵³. В качестве способствующего фактора образование рассматривается в двух частях: обычное (светское) общее и религиозное. Отсутствие обычного образования лишает человека навыков критического мышления, коммуникативных навыков и, в частности, делает менее привлекательным для трудоустройства на хорошую работу. Отсутствие понимания религии делает человека неспособным оценить то, что ему сказали, склонным передать бесспорную власть по этому вопросу другому человеку (вербовщику).
- h) Личные связи. Сильным фактором радикализации как в Центральной Азии, так и в других странах, являются личные связи: члены семьи, друзья, знакомые имеют решающее значение при вербовке человека в экстремистские группы и действия⁵⁴.
- i) Информация и коммуникация. Конечным, но не исчерпывающим фактором, способствующим этому, были средства коммуникации и информации, а точнее, интернет⁵⁵. В той степени, в какой радикализация заключается в том, чтобы привить человеку определенные идеи и мировоззрение, это процесс общения и информации. Утверждается, что вездесущий легкий доступ к информации через интернет и по телефону облегчает передачу радикальных сообщений о вербовке и установление связи с потенциальными наемниками.

Каждый из вышеперечисленных факторов, как ключевых, так и дополнительных, был выдвинут на основании соответствующих данных о вербовке людей. Однако в каждом случае существовал ряд потенциальных (и наблюдаемых) путей, которыми конкретный фактор, по-видимому, отрицался,

⁵² Например, Анна Матвеева и Бахром Файзуллаев «Женщины и насильственный экстремизм в Таджикистане», UN Women, июнь 2017 г.; Анна Спекхард и др. «Роли женщин в поддержке, присоединении, интервенции и предотвращении насильственного экстремизма в Кыргызстане», UN Women, июнь 2017 г.; Уран Болотбеков/Uran Botobekov «Женщины ЦА на фронте джихада», *The Diplomat*, 10 января 2017 г.: <https://thediplomat.com/2017/01/the-central-asian-women-on-the-frontline-of-jihad/>

⁵³ Например: Эльшими и др. «Понимание факторов, содействующих радикализации», *op. cit.*; Эдвард Леман «Профилирование таджикских боевиков», *op. cit.*

⁵⁴ Эльшими и др. *op. cit.*

⁵⁵ Например: Серафин Алава и др. «Молодежь и насильственный экстремизм в социальных сетях», *op. cit.*; Ноа Такер «Общественный и государственный отклик на сообщения ИГ», CERIA Briefs, выпуск 11-15, февраль 2016 г.: <http://centralasiaprogram.org/archives/9287>; SFCG «Сообщения, картинки и медиаканалы», *op. cit.*

оспаривался или размывался⁵⁶. Одна основная проблема состоит в том, что все разъяснения являются попытками объяснить возникновение малого количества случаев радикализации и экстремизма населения, подавляющее большинство которого не радикализуется. Таким образом, экономические трудности, политическое угнетение и идеологические разногласия испытывает большое число людей в каждом обществе, однако лишь незначительное число людей становится радикальными. То же самое относится ко всем другим факторам. Кроме того, во многих случаях радикализации фигурировали лица, которые не подходили к предполагаемым факторам: люди без особых экономических трудностей, серьезных политических обид или идеологии, люди с хорошим образованием, люди, которые не молоды, мужчины и женщины, не трудовые мигранты, а также хорошо устроенные мигранты и т. д. Итак, окончательная причина радикализации не найдена.

Большинство приведенных выше исследований, выдвигая те или иные наборы причин радикализации, делали это с осторожностью и оговорками. Действительно, если исходить из более строгого методологического подхода, было бы невозможно определить какие-либо конкретные причины радикализации. Хотя продолжающиеся исследования могут быть полезны для понимания дел, которые уже имели место, или для подготовки программ реабилитации возвращающихся наемников, они, вероятно, будут иметь ограниченную ценность при разработке мер П/ПНЭ. Вместо этого более действенным подходом является повышение устойчивости к радикализации во всех обществах. Настоящий проект, сфокусированный на информационных экосистемах и, следовательно, на коммуникационных аспектах ПНЭ, а также ПНЭ, является одним из подходов, который создает устойчивость перед радикализацией и экстремизмом.

Публичный дискурс и информационная экосистема

Если причинно-следственная связь настолько сложна, чтобы остановить радикализацию, и если коммуникация должна рассматриваться как альтернативный и действенный подход к созданию устойчивости к радикализации и насильственному экстремизму, то необходима эффективная, жизнеспособная информационная экосистема, в которой появятся устойчивые коммуникации и публичный дискурс.

Как усиление роли и места ислама в обществах ЦА, с одной стороны, так и тема радикализации и экстремизма – с другой, являются предметом публичного дискурса. Дискурс здесь используется в простом смысле как коммуникация или обсуждение в публичном пространстве. То, что понимается или воспринимается в публичном дискурсе, в каком свете оно обсуждается, какие смыслы создает, – как правило, все это формируется и направляется участниками, имеющими большую роль, более широкий охват и / или более авторитетный голос. Таким участником по умолчанию в авторитарных режимах является само государство. Очевидно, что, помимо государства, еще одна группа, обладающая такой властью, – это СМИ. СМИ не только передают сообщения и знаки – государства,

⁵⁶ Для полного понимания многих гипотез, включающих движущие силы радикализации и экстремизма см. Хариет Аллан и др. «Движущие силы насильственного экстремизма: гипотезы и обзор литературы», RUSI, 16 октября 2015 г.: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a0899d40f0b64974000192/Drivers_of_Radicalisation_Literature_Review.pdf

интеллектуалов, клерикалов, но также создают, формируют и существенно влияют на дискурс. Повторим, что совокупность всех «ингредиентов», которые формируют публичный дискурс, это акторы, СМИ, немедийные носители информации, взаимодействия и динамика власти между ними, а разнообразные темы вокруг производства и распространения информации – это то, что называется информационной экосистемой. Информационная экосистема – это то, что формирует публичный дискурс, как его содержание, так и его охват.

Кроме особых случаев, когда публичный дискурс фрагментарен, разрознен, слаб, разнообразен, можно предположить отсутствие или слабость игроков с дискурсивно-форматной гегемонией. И наоборот, когда весь публичный дискурс формируется через ограниченную и строго контролируемую информационную экосистему и, соответственно, не обсуждается и является единообразным, он описывается как силовой (в высшей степени) и гегемонистский. Насколько силовая или несиловая публичная сфера, в которой происходит дискурс о радикализации, имеет важные последствия, какого рода информационная экосистема существует в данной стране и что может или не может работать в потоке информации в этой среде?

В государствах Центральной Азии публичный дискурс об исламе и радикализации возрастает, и подобно тенденции к автоматическому объединению этих двух тем в научных и экспертных трудах и дискуссиях они также переплетаются в публичном дискурсе. Рост ислама и его растущая видимость чаще всего рассматриваются с точки зрения радикализации, и, наоборот, радикализация и связанные с ней проблемы, как правило, обсуждаются с учетом *ислама* и связанных с ним проблем⁵⁷. Безусловно, такое смешение обычно совершают те части общества, которые сами не исповедуют ислам и не сильно отождествляют себя с ним. В качестве альтернативы те, кто практикует и самоидентифицирует себя мусульманами, как правило, проводят границу между двумя темами, когда это необходимо, но в первую очередь фокусируются на теологических, практических, образовательных и других аспектах ислама, не вдаваясь в тему радикализации или политического ислама в целом.

Среди нескольких стран, в первую очередь, в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, существуют четкие различия в публичном дискурсе об исламе и радикализации⁵⁸. Здесь, на следующих нескольких страницах, представлены очень краткие обзоры СМИ и освещение тем религии и радикализации⁵⁹.

Для начала самая яркая дискурсивная гегемония в публичном дискурсе среди трех стран – в Таджикистане. Как указывалось выше, эта республика прошла сложный путь, который начался с

⁵⁷ Пример этого в аналитической статье с сильным названием «Исламизация в Кыргызстане не контролируемая и быстрая: эксперты» на: <http://inozpress.kg/news/view/id/53189>; см. также Айдай Масылканова «Радикализация в Кыргызстане не миф: кыргызстанская медленная дуга в сторону исламизации и радикализации», *The Diplomat*, 22 июня 2016 г.: <https://thediplomat.com/2016/06/radicalization-in-kyrgyzstan-is-no-myth/>

⁵⁸ Туркменистан и Узбекистан обсуждаются в уменьшенном масштабе здесь из-за ограниченного доступа к полному спектру масс-медиа.

⁵⁹ Данные на след. страницах заполнены четырьмя лицами – каждый из них ответственен за страну – с указаниями общего устного обзора, как написано в разделе «Методология».

гражданской войны и ее длительными последствиями, постоянным разделением длинной границы с беспокойным Афганистаном и существованием до 2015 года единственной законной Исламской партии в Центральной Азии. Процесс формирования публичного дискурса по исламу и радикализации в государстве является элементом более широкого процесса политической стабилизации и консолидации режима под председательством Эмомали Рахмона. Следовательно, на сегодня все общественные дискуссии об исламе и радикализации остаются в пределах приемлемого политического языка: подчинение политике государства и, в частности, «лидеру нации», акцент на угрозы и опасности, которые скрывают в себе неконтролируемые практики ислама, – ныне запрещенная Партия исламского возрождения.

Несколько независимыми и обычно нейтральными публикациями на темы религии и радикализма, как правило, являются негосударственные онлайн-СМИ, такие как *Asia-Plus*, *Ozodagon* и *Dialog.tj*. Печатные версии первых двух обычно более осторожны, чем их онлайн-издания. Более контролируемые государством или аффилированные с ним газеты (*Sadoi Mardum*, *Tojikiston*, *Hovar*) предположительно придерживаются официальной линии. Как правило, даже независимым СМИ трудно сохранять нейтральность на государственной линии, о чем говорят события осени 2015 года, когда такие агентства, как *Asia-Plus* и *Ozodagon*, публиковали статьи о Партии исламского возрождения в очень негативном свете.

Таджикские службы международных масс-медиа, такие как IWPR, *Radio Ozodi* (радио «Свобода» на таджикском), *Sputnik.tj* и Таджикское телеграфное агентство (ТаджТА) тоже часто публикуют статьи на схожие темы. Подход ТаджТА немного отличается в публикациях, но оно тоже разделяет, скорее, дискурс о радикализации в Таджикистане, нежели об исламе как таковом. В то время как связанные с Западом СМИ, как правило, придерживаются критической точки зрения на политику правительства страны по жесткому регулированию как религиозных дел, так и СМИ, российские же СМИ и/или СМИ СНГ (яркий пример – *Sputnik.tj*) придерживаются нейтральной позиции или одобряют тон правительственной политики.

На противоположном конце от ярко выраженной дискурсивной гегемонии в публичном дискурсе Таджикистана находится Кыргызстан с его менее выраженной дискурсивной гегемонией, довольно фрагментированным и равноправным дискурсивным пространством. Путь регулирования государством религиозной сферы в республике начался с очень либерального, почти беспристрастного режима в 1990-х годах до постоянно усиливающегося регулирования, но в конце концов этот режим все еще менее регулирующий по сравнению с соседними странами. Соответственно, публичный дискурс в Кыргызстане о религии и радикализации включает в себя самые разные точки зрения и акторов: от тех, кого недавно считали радикальными секуляристами, до тех, кто свободно выступает за еще большую роль религии в общественной жизни. Недавняя попытка государства воздействовать на религиозную практику путем введения различия между «традиционным» исламом и «нетрадиционным» оказала существенное влияние на публичный дискурс.

В сфере СМИ Кыргызстана есть много агентств, которые специализируются на религиозной теме или регулярно пишут о религии. Хотя большинство таких СМИ, особенно частные, утверждают, что

придерживаются основной, традиционной школы ислама, то есть школы ханафизма, и сосредоточены на просвещении общественности об исламе, большая часть из них, как правило, имеет какого-то видного покровителя или источник финансирования, который стоит за ними и определяет повестку дня. Государство или его конкретные органы играют незначительную роль в повестках таких организаций, кроме малого напоминания о том, что экстремистские идеи будут преследоваться по закону. Эти и другие издания часто привлекают таких видных исламских лидеров, как Жалилов, Нарматов или Абдылдаев, которые достаточно свободны от государственного контроля и часто пропагандируют противоположные ему идеи⁶⁰.

Помимо СМИ, фокусирующихся на религии, а не на вопросах радикализации, существуют СМИ (в основном в интернете), которые регулярно публикуют материалы о проблемах радикализации, и зачастую для них растущее число практикующих мусульман является темой для освещения радикализации, – это *Azattyk* (радио и интернет), *IWPR*, *24.kg*. Хотя религия или радикализация не являются главной темой ни для одного из них, они регулярно поднимают их с различной степенью чувствительности и с точек зрения прав человека, свободы вероисповедания или угроз безопасности и радикализации. Примечательно, что в кыргызскоязычных СМИ появляется меньше публикаций о радикализации и экстремизме (кроме *Azattyk*, основным языком которого является кыргызский).

В Кыргызстане есть нюанс, который не так выражен, как в других странах, – это присутствие значительного и концентрированного узбекского населения на юге республики. Эта община была основным объектом интереса для исследований РНЭ, учитывая относительно большое число наемников среди них, а также широко признанный фактор дискриминации и несправедливого отношения к узбекской общине со стороны государственных учреждений как причин многих случаев радикализации и присоединения к насильственным экстремистским организациям. Узбекские общины, как известно, в основном используют интернет в качестве источников информации, где они получают доступ на узбекском и русском языках. Кроме того, среди этой общины высокий уровень просмотра узбекских телеканалов. Не в последнюю очередь, помимо Жалилова и других религиозных лидеров из Бишкека, в государстве есть несколько известных узбекских религиозных деятелей, которые популярны среди узбеков.

Сравнивая Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, видим, что первый несколько ближе ко второму. Казахстан – страна, которая всегда и во многих сферах, от политической, экономической до религиозной, имеет тенденцию занимать средние позиции. В отличие от Таджикистана, в Казахстане существует относительно свободный и активный публичный дискурс об исламе и религии в целом (хотя и под наблюдением государства), и на различных форумах часто возникают дискуссии по тем или иным вопросам радикализма, экстремизма и другим смежным темам. Телеканал «Асыл Арна», контролируемый государством, вещает исламский религиозный контент; существуют также финансируемые государством интернет-сайты, такие как www.islam.kz и www.azan.kz. Есть и

⁶⁰ Некоторые резонансные высказывания Ч.Жалилова в последние годы включают желание отдельного обучения для мальчиков и девочек, увеличение обеденного перерыва в пятницу, чтобы позволить людям ходить в мечети для молитвы (и вербальная атака на депутата, который возразил против такого законопроекта), выступление за многоженство и т. д.

популярные религиозные спикеры, такие как Арман Куанышбаев, которые собирают большие аудитории в реальном режиме и онлайн для своих лекций. Муфтий и другие представители исламского духовенства Казахстана активно занимаются публичным пространством, выступая на соответствующие темы на том языке, который очень лоялен к государственной политике.

Есть две оставшиеся страны региона – Узбекистан и Туркменистан, о которых в данное время можно рассуждать только в ограниченной степени.

В Узбекистане, в государстве с более глубокими корнями ислама, столкнувшись с вызовом политического ислама в начале 1990-х годов, правительство И.Каримова начало свою жесткую политику контроля и репрессий исламских организаций. И, возможно, в результате этого было создано Исламское движение Узбекистана (ИДУ), возглавляемое несколькими жителями Ферганской долины, которые совершали террористические акты в Ташкенте и других местах в 1990-х и 2000-х. В 2005 году крупное кровопролитие в Андижане было также результатом репрессивной политики правительства в отношении того, что оно называло экстремистской исламской деятельностью⁶¹.

После смерти Каримова, при президенте Шавкате Мирзиёеве, произошли довольно существенные изменения в этой сфере, что сделало республику менее строгой в религиозных вопросах⁶². Доклад *Human Rights Watch* за 2018-й оптимистично и одновременно осторожно говорит о признаках свободы слова и прессы в посткаримовском периоде, указывая на позитивные изменения с некими вопросами и сомнениями⁶³. Свобода СМИ в освещении религиозных тем, основанная на ограниченном наблюдении, по-видимому, все еще в основном соответствует политике правительства, сосредоточенной на освещении операций и политики против экстремизма и терроризма. Помимо печатных газет, к которым было невозможно получить доступ, существует несколько онлайн-СМИ, которые публикуют материалы по П/ПНЭ, такие как *uza.uz* (сайт государственного новостного агентства), *gazeta.uz*, *nuz.uz*, *tribuna.uz* и другие. Частный информационный сайт, специально посвященный материалам ПНЭ, *stopterror.uz* – интересная особенность, которая отсутствует в других государствах. По сообщениям, в сфере умеренной, «традиционной» исламской практики растут количество и разнообразие публикаций, публичных мероприятий и их освещение. Мирзиёев лично, как сообщается, поощрял соревнования по чтению Корана⁶⁴. Такие сайты, как *Islom.uz* и *Islomnuri.com*, являются доступными и представляют образовательный и информационный контент об исламе. Вместе с этими и другими признаками позитивных изменений, однако, присутствуют также некоторые признаки невыполненных обещаний или отступления от недавней либерализации, как это видно в случае задержания «по

⁶¹ Для критического анализа объяснения Каримовым андижанских событий см. Ник Мегоран «Подача информации об Андижане, повествование о народе: Рассказ Ислама Каримова о событиях 13 мая 2005 г.», *Central Asian Survey*, выпуск 27, № 1, 2008.

⁶² См. Свант Корнелл и Якоб Зенн «Религия и светское государство в Узбекистане», *Silk Road Paper*, июнь 2018 г.

⁶³ *Human Rights Watch* «'Вы не можете их видеть, но они всегда там': Цензура и свобода прессы в Узбекистане», 28 марта 2018 г.: <https://www.hrw.org/report/2018/03/28/you-cant-see-them-theyre-always-there/censorship-and-freedom-media-uzbekistan#>

⁶⁴ Но эти чтения Корана недавно были приостановлены, хотя это сложно подтвердить.

меньшей мере, четырех» онлайн-блогеров, которые опубликовали критические мнения относительно религиозных тем (таких как запрет хиджаба)⁶⁵.

В Туркменистане, однако, не наблюдается изменений, и он остается таким же строго закрытым и ограниченным во всех отношениях, как это было во времена первого президента Сапармурата Ниязова⁶⁶. Тогда и до настоящего времени ислам был включен – и подчинен – дискурсу национальной идентичности, в котором основное внимание уделялось президенту, сначала Ниязову, а теперь и Бердымухамедову. СМИ в республике полностью контролируются и подвергаются цензуре со стороны государства. Критическое и независимое освещение Туркменистана осуществляется службами, расположенными за пределами страны. Доступ к такой независимой информации внутри республики серьезно ограничен контролем выхода в интернет.

Все государства Центральной Азии осведомлены о проблеме радикализации и о том, как с ней бороться; информационные экосистемы каждой из них, как показывают приведенные выше взгляды, различны и отражают характер публичного дискурса в каждой стране, посвященного религии и темам, связанным с радикализацией. Роль СМИ в продвижении конструктивных, умеренных и устойчивых дискурсов религии, ислама в частности, и проблем радикализации важна, но она тесно связана с уровнем государственного контроля над СМИ и информацией⁶⁷. Когда государство меньше контролирует, как в случае с Кыргызстаном, оно возлагает большую ответственность на медиаагентов за создание контента, которые способствуют модерированию, диалогу и устойчивости к радикализму, а не наоборот⁶⁸.

Заключение

К сожалению, Центральная Азия стала одним из немногих регионов в мире, где существует повышенный риск религиозного экстремизма и терроризма в результате значительного числа иностранных наемников-террористов в Сирии – их, по оценкам, более 4 000 из ЦА⁶⁹. Это признание привело к спорам о религии и радикализации в государствах Центральной Азии, а также к научным исследованиям, расширению государственной политики и деятельности в области ПНЭ, а также

⁶⁵ «Узбекистан арестовал по меньшей мере четверых блогеров за посты на религиозные темы», Комитет по защите журналистов, 6 сентября 2018 г.: <https://cpj.org/2018/09/uzbekistan-arrests-at-least-four-bloggers-over-pos.php>; см. также Сардор Салим «Узбекистан: как может государство найти 'золотую середину' в религии?», *Cabar Asia*, 9 января 2019 г.: <https://analytics.cabar.asia/en/uzbekistan-how-can-the-state-find-a-happy-mean-in-the-field-of-religion/>

⁶⁶ Только Госдепартамент США публикует отчет по Туркменистану наряду с другими странами, невзирая на закрытость республики; см. «Отчеты по странам по терроризму, 2017 г.: Глава 1. Отчет по странам: Южная и Центральная Азия»: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2017/282845.htm>

⁶⁷ См., например: Эдвард Лемон «ИГИЛ и Таджикистан: политика безопасности режима», *RUSI Journal*, выпуск 160, № 5, 2015 г.

⁶⁸ Негативное освещение ислама обсуждается как содействие радикализации некоторых мусульман; см. Катарина Ньюманн «Новости и процессы исламистской радикализации», *Mass Communication and Society*, выпуск 21, № 4, 2018 г.

⁶⁹ Эндру Барретт «За пределы халифата», ICG «Сирия зовет»

целей в информационных экосистемах. Некоторые краткие выводы из вышеизложенного предназначены для обсуждения данных полевых исследований в следующих двух главах.

Что вызывает или стимулирует радикализацию в странах Центральной Азии, остается вопросом с многочисленными спорными ответами. В серии из трех докладов Международной кризисной группы политические, идеологические и некоторые экономические факторы объясняют значительную часть радикализации и насильственного экстремизма в регионе, но ряд ученых высказал критику за отсутствие достаточных доказательств и попытку связать между собой различные области проблем. Трудовая миграция была также одним из популярных предположений в нескольких исследованиях, она выступала как причина радикализации, однако это не было выявлено в нашем исследовании. Она не является единственной и главной причиной, а скорее, последствием, когда главные движущие силы могут вместе привести к радикализации в совокупности с миграцией.

Возраст – или уязвимость молодежи – оказались важными движущими силами, на которые ссылались большинство исследователей, но они, как правило, также сочетаются с другими факторами, приводящими к радикализации. Личные связи были частичной причиной в большинстве отчетов наряду с другими основными факторами. Аналогичным образом смешанные, не единственные движущие силы для радикализации могут соседствовать с другими факторами: гендер, интернет/информационные каналы, образование и т. д. В конечном итоге остается признать сложную, не единственную причину радикализации в каждом случае, сложность определения любого такого фактора и необходимость осторожной интерпретации доказательств.

Радикализация и насильственный экстремизм остаются главными вопросами в программах безопасности государств Центральной Азии. Как этот вопрос был отражен в информационном пространстве каждой страны? Все государства могут быть расположены вдоль спектра, от самого сильного до самого слабого публичного дискурса по П/ПНЭ. В соответствии с дискурсивной гегемонией информационная экосистема страны является ограниченной, подчиненной государственной повестке дня и не имеет независимого освещения проблем. Это имеет место в государствах Центральной Азии, где в Кыргызстане наблюдается дискурсивная гегемония наименьшей степени, в Казахстане – средней, в Таджикистане и Узбекистане – наибольшая степень дискурсивной гегемонии, а в Туркменистане информационная экосистема остается самой ограниченной со стороны власти.

Информационная экосистема Кыргызстана представляет собой территорию разнообразных и иногда конкурирующих между собой игроков с контролируемым государством и частными, местными и международными (американскими, русскими и узбекскими), русскоязычными, кыргызскоязычными и узбекскоязычными СМИ, чьи взгляды совпадают как с политикой государства, так и с критикой его политики, как с религией, так и со светскостью. Казахская информационная экосистема в некоторой степени схожа по своей структуре с кыргызстанской, однако роль государства в Казахстане признается во всех СМИ, и оспаривания взгляда государства на такие темы, как насильственный экстремизм и П/ПНЭ, в целом не наблюдается. В Таджикистане информационная окружающая среда по-прежнему более ограничена по сравнению с Казахстаном, где

контролируемые государством СМИ доминируют над ландшафтом (возможно, за пределами онлайн-СМИ), а государственная повестка дня широко воспроизводится в этих самых СМИ. Тем не менее некоторые независимые интернет-СМИ все же работают. Недавняя либерализация в Узбекистане показала, что будет возможно более открытое обсуждение религии и П/ПНЭ в СМИ, но это еще сложно проверить.

Основываясь на этих общих чертах информационных экосистем, остается понять, как они влияют на пользователей и жителей этих экосистем. В следующих двух главах отчет представляет результаты опроса из количественного исследования и интервью – из качественного.

Глава 2: Интервью

Что говорят люди – жители стран Центральной Азии – о движущих силах экстремистских идей, информационных потоках и информационных экосистемах, а также об умеренных местных голосах? В этой главе приводятся выводы, сделанные в результате анализа в общей сложности 201 качественного интервью, проведенного в июне, июле и августе 2018 года в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Интервью были составлены из нескольких общих вопросов, которые отразили бы мнения респондентов по вопросам данного исследования, которые были понятны обычному человеку. Это были вопросы о том, как респонденты воспринимают или испытывают на себе процессы социальных и политических изменений в стране за последний период; что они думают о растущей роли религии в своих обществах; как они понимают радикализм и его причины; где и какую информацию они получают и как они это потребляют; что они могут предложить для того, чтобы предотвратить радикализм; как сделать так, чтобы люди были услышаны, и что могут сделать их правительства и т. д. Вопросник для основной группы респондентов был самым обширным, в то время как вопросы для экспертов и людей, вовлеченных в экстремизм (ЛВЭ), были более узко сфокусированы и специфичны⁷⁰.

Интересные наблюдения получены от каждого из опрошенных государств, некоторые наблюдения демонстрируют сходство и общие процессы во всех странах, а другие указывают на различия. По большинству вопросов мнения, предпочтения и практика респондентов отражают политическую систему соответствующего государства, и, следовательно, общие черты и различия, обнаруженные в интервью, совпадают с теми, которые касаются работы правительств в этих странах. Режим управления в государстве был основным определяющим фактором того, как информационная экосистема формируется и функционирует в стране, как люди понимают соответствующие проблемы и как они оценивают присутствие государства и работу в информационно-коммуникативных плоскостях.

Наряду с характеристиками политических систем, другими широко представленными объясняющими факторами были исторические и культурные корни страны. В то время как все три

⁷⁰ Опросник, использованный в данном исследовании доступен у авторов исследования!

республики одновременно стали независимыми после распада Советского Союза, на нынешнем этапе они стали выявлять свои национальные взгляды и признаки. Такая картина включает как давно существующие культурные традиции, так и более поздние события и процессы, которые влияют на взгляды людей.

Эта глава составлена таким образом, чтобы сравнительно выделить наблюдения из всех трех стран по трем более широким темам: взгляды респондентов на общество, политику и государство, их представления о религии и радикализме, а также их взгляды на источники информации и их использование. Как отмечалось в разделе «Методология и ограничения», в данной главе приводятся ответы респондентов на сложные вопросы. Таким образом, наблюдения из интервью представлены в форме репрезентативных и иллюстративных цитат и осторожных словесных обобщений. Наблюдения, сделанные на основе данного материала в количественной форме, могут ввести в заблуждение читателя: четкость цифр и статистика не могут отражать сути вопроса во всей полноте и достоверности.

Взгляды на общество, политику и государство

Взгляды респондентов на общество, политику и государство помогают выявить основные различия между странами, в которых проводится обзор, а также понять, как они создают более широкий контекст информационной экосистемы. В этом широком контексте легче увидеть проблемы достоверной информации, информационных потоков и местных голосов.

В случае с Казахстаном у респондентов не было никаких заметных признаков сильной обиды, гнева или неудовлетворенности работой государственных учреждений в плане социальных проблем или в самой их жизни. Не ясно, было ли это связано с тем, что респонденты отстранены от политики или же они избегали темы, где критические взгляды связаны с риском для человека. У кыргызстанцев заметно больше свободы выражения в политических и социальных вопросах; это выражается в том числе в отсутствии какой-либо идеологической стилистики или специального языка, на котором они говорят⁷¹. Большинство респондентов в Кыргызстане, очевидно, не стесняются обсуждать вопросы, поднятые в интервью, в том числе и вопросы политики, государства и радикализации.

Таджикистан в этом отношении сильно отличается: в разговорах на деликатные темы собеседники говорят так же, как их государственные СМИ. Немногие респонденты в республике выразили какую-либо критику работы государства (в отличие от Кыргызстана); многие из них упомянули президента страны (в отличие от Казахстана), и, как правило, очень благосклонно и даже с благодарностью.

Говоря о проблемах или негативных изменениях в обществе, многие казахстанцы рассматривают общество и местные сообщества как источники проблем. Например, респондент (Жезказган_женщина_6) рассказывает об улучшениях городской инфраструктуры и отдыха и жалуется, что «люди не понимают этого по-настоящему, используют все без благодарности, быстро ломают вещи, портят предметы». Другой респондент (Актобе_мужчина_26) занимает философскую позицию, поскольку он в большей степени возлагает ответственность на общество, отмечая, что

⁷¹ Например, статья Мурзакуловой и Шойберлейн.

объем информации является проблемой: «Что ж, состояние социальной жизни постоянно меняется в зависимости от того, какую информацию получают наши соотечественники. Все зависит от образования и воспитания человека. Надо признать: жизнь стала более сложной в моральном смысле из-за большого количества разнообразных информационных потоков».

Такие преобладающие мнения респондентов в основной группе подтверждаются, с более критическими наблюдениями, среди экспертных интервью. Критические замечания среди экспертов о работе государства и, в частности, о его усилиях в области ПНЭ (PVE), часто встречаются, особенно среди респондентов в провинциях, таких как Актобе и Жезказган, и среди экспертов, которые работают в сфере религиозных вопросов и регулирования (например, эксперты Жалгас, Жаппар и эксперт_3). Тем не менее даже критические взгляды экспертов, как правило, не были направлены на какое-либо конкретное учреждение, они были довольно умеренные по языку и явно не затрагивали главу государства.

Большинство проблем, поднятых респондентами в Кыргызстане, было связано с проблемами инфраструктуры: дороги, электричество, вода и т. д. Всего этого им не хватало, а правительство не могло их этим обеспечить. Респондент в пригороде Бишкека говорит (Бишкек_женщина_20): «Мы живем в нужде, обеспечивая сами себя; как только начнутся выборы, кандидаты начнут забегать к нам и проводить агитацию, чтобы мы голосовали за них». Среди ответов экспертов есть общее согласие относительно слабой работы правительства, будь то в предоставлении услуг, в поддержании правопорядка или в гарантировании справедливости.

Многие респонденты из Таджикистана считают, что с годами дела в стране улучшаются, и не у многих есть серьезные жалобы. Большинство проблем, которые они упоминали, – местного уровня: районное администрирование, коммунальные, а иногда – общие экономические. Не было никаких заметных идей или ощущения социальных конфликтов, за исключением запрета Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и ее лидеров. В этом случае респонденты, как правило, повторяли государственный дискурс о том, что ПИВТ влияла негативно на стабильное развитие страны, поэтому они поддерживают ее запрет. Этот случай действительно был темой, которая вырисовывалась в любом таджикском обсуждении политических вопросов или радикализма и экстремизма в частности, как об этом говорится в прежней главе.

Более критические взгляды отражали мнения экспертов. Все они, за исключением одного, который представлял орган центрального правительства, отмечали чрезмерно ограничительную политику государства в религиозной сфере, чрезмерно контролируемое пространство СМИ и даже существование несправедливости. Но, как и в случае с казахстанскими экспертами, критические взгляды не были специально адресованы какому-либо конкретному государственному органу, не говоря уже о президенте Таджикистана, но в целом упоминали «государство».

Память о гражданской войне и ощущение хрупкости мира присутствуют в ответах таджикистанцев, что характерно для недавней истории страны. Сегодняшнее правительство в этом смысле считается гарантом мира. Именно такой дискурсивный подход наблюдается в Таджикистане. И он все еще оказывает сильное влияние на общественное мнение, несмотря на то, что уже более 20 лет

республика живет мирной жизнью, и это наблюдается во многих интервью. Цитата из интервью в Шаартузе (Шаартуз_мужчина_11) очень показательна: «...Мои братья сражались на войне, и мы потеряли одного из них. Иногда, когда сижу и жду возвращения моего ребенка из школы, я думаю: «Какой великой женщиной была моя мать, какой сильной она была, когда ей приходилось сидеть и ждать нас шестерых из школы во время войны». Вспоминая недавнюю гражданскую войну или просто, будучи лояльным государству, респондент (Шаартуз_мужчина_14) признается в том, что ему нравятся новости о предоставлении нового жилья для служащих полиции и военных, то есть то, что большинству людей при других обстоятельствах не нравится.

Таким образом, в своем отношении к своим государствам, политике в целом и процессам социальных изменений респонденты из трех стран показали три разные позиции. В Казахстане общий критический тон не направлен на какой-либо конкретный официальный орган; во всех интервью не было ни одного открытого упоминания о главе государства. В Кыргызстане, как и ожидалось, критический взгляд по отношению к государству был безудержным, так как люди говорили о том, как они и их сообщества самостоятельно работают над решением своих проблем. Респонденты из Таджикистана были очень осторожны при критике государства, но больше, чем казахстанские, хвалили государство и достаточно часто президента республики. Во всех трех странах опросы экспертов выявили большую степень критических замечаний и более сложную их суть, в то же время они по-прежнему отражали общую модель в сдерживании критики, похожей на критику неэкспертных респондентов.

Восприятие религии и радикализации

Прочитав и обобщив результаты интервью респондентов трех стран об отношении к религии и радикализму, стоит обсудить каждое государство отдельно. В этом наборе вопросов возникли существенные различия, которые в значительной степени соответствовали схеме, приведенной в предыдущем разделе. Одной из сильных сторон, с которой согласились респонденты во всех трех странах, было их общее неприятие насильственных действий джихада, противоречащих религии ислам, какой они ее знали. Тем не менее некоторые вариации присутствуют.

В Казахстане существует небольшая разница во мнениях о роли религии в обществе среди тех, кто исповедует ее, и тех, кто этого не делает. Первые склонны говорить с большим интересом и более позитивно о роли, которую играет ислам в общественной жизни, и о том, как он ведет к улучшению нравственности молодежи. Например, практикующий респондент (Астана_мужчина_5) говорит: «... Я сам молюсь, религия очень позитивно влияет на нас в этой жизни и следующей. Без религии человек просто тратит время, Аллах Всемогущий показал нам через религию, что мы должны делать и что не должны, что ему нравится и что нет». Непрактикующие респонденты проявляют меньший энтузиазм в своих ответах. Тем не менее, в частности, они не видят никаких проблем или негатива в отношении ислама. Например, пожилая городская женщина говорит (Астана_женщина_4): «Да, мы слушаем лекции на канале «Асыл Арна», там рассказывают хорошие проповеди, говорят, что Мухамеджан Тазабеков создал этот канал, они дают хорошие учения о семье, воспитании детей и т. д. Я думаю, оттуда можно получить хороший опыт и информацию».

Это не означает, что ни у одного казахстанского респондента не было опасений или негативного отношения к распространению религии в их обществе. Некоторые считали, что религия является тормозом социального прогресса, регрессивным фактором; некоторые думали, что это архаизм. Некоторые относились к религии нейтрально – ни положительно, ни отрицательно. Но число таких респондентов было меньшинством.

Другими словами, независимо от того, исповедуют они ислам или нет, большинство респондентов положительно относятся к роли и месту ислама в казахстанском обществе, и все они сразу различают «нормальный», «традиционный» ислам – ханафизм, который они все одобряют, и чуждые, «чужеродные», «радикальные» течения ислама, которые они описывают как «потерянный путь», «сбивающий с толку» и другие ошибочные, вводящие в заблуждение практики.

Как правило, на вопрос, почему происходит радикализация, большинство респондентов предлагают обычные объяснения здравого смысла, основанные на том, что они слышали и думали. Среди таких объяснений молодой возраст и невежество; социальная дезориентация в постсоветский период и идеологический вакуум, который был заполнен чужеродными и часто радикальными религиозными идеями; проблемы нищеты и жизни, для которых радикальные вербовщики предлагают простые или убедительные решения; слабость характера, доверчивость некоторых людей к вербовщикам.

Интервью с казахстанскими экспертами – теологами, исследователями, государственными аналитиками и педагогами – подтверждают те же общие взгляды, которые наблюдаются среди обычных респондентов, только с большей детализацией. Некоторые эксперты обращают внимание на необоснованную тенденцию выдвигать салафизм как синоним экстремизма, но другие делают именно это, описывая распространение экстремистских взглядов в республике. Они аргументируют это тем, что в стране распространяются салафистские взгляды, или тем, что усилия государства и муфтиятов направлены на сдерживание распространения салафизма. Говоря о движущих силах радикализации, эксперты упоминают весь спектр факторов, указанных в существующей литературе, в кабинетном исследовании выше. К ним относятся экономические причины (безработица, отсутствие возможностей, социальное неравенство и маргинализация), политические (в первую очередь слабый государственный контроль над религиозной сферой) и идеологические (вербовка по экстремистским мотивам, протест против неправильной государственной политики, в основном объясняемый слабым или отсутствующим пониманием религии).

Кыргызстанские респонденты в подавляющем большинстве очень позитивно относятся к религии, к тому, как это практикуется и распространяется в последние годы. Многие ответы выходили за рамки обычного объяснения того, что религия является частью культуры кыргызов или что она учит только хорошим вещам и идеям, что можно увидеть и среди казахстанских респондентов. Многие респонденты в Кыргызстане при этом смело добавляли в свою речь арабские слова, это говорит о частичном влиянии дааватистского движения (мусульманская миссионерская практика) «Таблиги

джамаат»⁷². Это особенность, которая не была выявлена в ходе интервью в Казахстане и Таджикистане.

В то же время, по-видимому, многое было относительно поверхностным, основанным на кратком и базовом учении, а не на знаниях, основанных на глубоком обучении. Многие респонденты оценили возросшее значение религии в общественной жизни за ее благотворное влияние на поведение людей: многие респонденты привели примеры того, как члены семьи, соседи и другие люди становятся лучше, заботливее и избавляются от вредных привычек. Эта диспозиция о пользе религии также отражена в результатах количественного исследования (представленного в главе ниже), где большинство людей во всех трех государствах предпочитают проповеди имамов и религиозных лидеров, которые в наибольшей степени способствуют хорошему поведению, хорошим манерам, а не доктрину о религии.

Тема внешнего вида и одежды очень ярко выражена среди кыргызстанских респондентов, как мужчин, так и женщин. Один респондент (Бишкек_женщина_17) рассказывает: «Я увидела фотографию молодой женщины, сидящей на лошади в элечеке [традиционный кыргызский женский головной убор], и мне она очень понравилась. И я опубликовала это фото и подписала его «без арабской одежды». Этот комментарий получил 17 тысяч «супер»⁷³ [в «Одноклассниках»]. И количество «лайков», о которых сообщают респонденты, и негативное отношение кыргызов к арабскому одеянию довольно показательны. По теме одежды в Кыргызстане меньше ограничений среди остальных центральноазиатских государств, и, возможно, из-за этого совпадают мнения как мужчин, так и женщин, в том, что считается «арабской одеждой», что показывает осведомленность кыргызстанцев в этом вопросе⁷⁴.

В Кыргызстане, как и в Казахстане, были респонденты, которые не поддерживают рост влияния религии; но подобных мнений было очень мало. Респондент из Нооката (Ноокат_мужчина_10) пояснил недовольным тоном: «Я слушал лекции известных лидеров, но в последнее время я перестал интересоваться такими лекциями и информацией... Религия играет отрицательную роль. Религия тормозит развитие [общества]».

Тем не менее понимание, объяснения и отказы от экстремистской практики во имя ислама очень похожи среди респондентов всех трех стран. Люди осуждают экстремизм и радикализацию, которые ведут к оскорблению ислама, считают, что такое обычно происходит с людьми, которые мало знают о религии, и что это, как правило, происходит в результате различных социальных и экономических проблем и дискриминации.

⁷² «Таблиги джамаат» – запрещенная экстремистская организация / движение в четырех странах Центральной Азии, но не запрещена в Кыргызстане.

⁷³ Эквивалент «лайка» в социальной сети *odnoklassniki.ru*.

⁷⁴ Обсуждение одежды – в арабском стиле или в кыргызском – стало предметом спора многих людей в Кыргызстане, включая экс-президента А.Атамбаева. См. Эмиль Насретдинов и Нургуль Эсенаманова «Борьба билбордов: хиджаб, светскость и публичное пространство в Бишкеке», в *Being Muslim in Central Asia*, отредактировано Марленом Ларуэлем, Бриль, 2018 г.

В последнем аспекте – дискриминации и злоупотреблениях власти – Кыргызстан отличается от других государств: многие респонденты узбекского происхождения, в основном из южных регионов, объясняют случаи радикализации (когда люди отправлялись на войну в Сирию) несправедливыми действиями милиции и дискриминацией и преследованиями узбеков со стороны властей после 2010 года.

Кроме этнической дискриминации (в Кыргызстане), есть еще одна причина, по которой респонденты из всех указанных стран придерживаются в целом схожих идей в отношении экстремизма. Это плохое понимание природы экстремизма, его причин и механизмов; такое непонимание демонстрируют и представители государственных органов. Большинство обычных людей лично не сталкивались со случаями экстремизма и радикализации. Поэтому они говорят то, что слышат и обсуждают в их сообществах и что, кажется, имеет смысл. То, для подавляющего большинства, которое чувствует верность исламу, имеет смысл, то, что экстремизм и насилие во имя ислама неправомерны и что они не поддерживаются никакими догмами ислама.

Как правило, это подтверждается в интервью экспертов в Кыргызстане. Помимо восприятия или переживания несправедливости как фактора, приводящего людей к радикализации, многие из них отмечают плохое понимание ислама, которое, как следствие, приводит к тому, что люди становятся легкой добычей для вербовщиков-экстремистов. Как подчеркивают некоторые эксперты (КГ_эксперт_1, КГ_эксперт_3 и КГ_эксперт_6), примерно с 2015 года антиэкстремистская политика правительства республики значительно улучшилась, гораздо больше внимания уделяется превентивным усилиям, работе со СМИ, а также созданию или продвижению профилактического образовательного контента. «Они поняли, что жесткая политика не работает», – объясняет эксперт_3, юрист.

Среди всех трех стран Таджикистан является наиболее закрытой страной – люди имеют наименьшую свободу при обсуждении радикализма и экстремизма. Когда интервьюеры задавали вопрос по теме, очень часто таджикские респонденты настораживались, хотя то, что они говорили, показывало, что они очень критичны и не одобряют радикализм. Они говорили очень мало о том, что, по их мнению, может быть причиной радикализма и как может произойти сама радикализация. В качестве возможных общих причин были приведены: молодой возраст, введение в заблуждение и вербовка экстремистами; нищета и другие экономические или финансовые трудности в жизни человека. В восьми интервью с ЛВЭ все объяснили свой (или членов своей семьи) опыт вербовки идеологическими причинами (фанатизм радикальной исламской идеологии), плохим пониманием религии и тем, что они стали жертвами вербовщиков. Никто из них не упомянул экономические причины или политические (преследование со стороны государства или аналогичные) мотивы – это могло быть либо подлинным ответом, либо самой цензурой.

Редко когда таджикские респонденты называли какого-либо религиозного деятеля по имени или упоминали какой-либо конкретный институт, связанный с религией. Вероятно, это связано с возможной опасностью для любого публичного человека, кроме президента, и, в частности, с недавним запретом Партии исламского возрождения. Официальный дискурс на темы радикализма и терроризма в последнее время был исключительно связан с упоминаниями ПИВ и ее лидеров, как

это наблюдалось в случае убийства туристов в Дангаре в июле, и, как и ожидалось, с незначительными доказательствами государство объявило членов ПИВ главными подозреваемыми⁷⁵.

Респондент, объясняя, где она получает информацию о религии, говорит откровенно (Душанбе_женщина_7): «В основном я ищу ответы в книгах. Если что-то мне не понятно, я спрашиваю у знающих друзей и знакомых. Я никогда не обращалась [со своими вопросами] к религиозным лидерам и не собираюсь этого делать. Мои друзья также ищут информацию в книгах и интернете. Я лично часто заглядываю на сайт <*umta.ru*>». Это демонстративное отрицание авторитета религиозных лидеров, скорее всего, основано на политической неприемлемости большинства известных религиозных лидеров в Таджикистане, наиболее ярким примером является случай лидера ПИВ Мухиддина Кабири.

Что касается радикализма, то почти среди всех таджикских респондентов нет сомнений: это что-то, что противоречит истинной религии, и те, кто попадают на этот путь, люди так или иначе проблемные. Особенно красноречивым является случай респондента, который рассказал историю радикализации своего соседа (Куляб_женщина_15): «Они жили рядом с нами, затем уехали в Россию, а затем в Сирию. Они были связаны с ИГИЛ, рассылали видео через социальные сети. [Имя] ... хотел служить вере. Но он причинил столько страданий своей семье». На вопрос, как [Имя] оказался в ИГИЛ, респондент отвечает: «Молодой, глупый, беззаботный. Еще до поездки в Россию он читал опасную литературу. Но в России ему стало еще хуже. Теперь никто не знает, где он, жив ли он или мертв».

По мнению большинства респондентов, государство в целом было достаточно эффективным в борьбе с радикализмом. Респондент из Куляба (Куляб_мужчина_23) говорит об этом так, что похоже на тон повествования государства: «В последнее время, я думаю, [они работали] эффективно. Но тем не менее иногда можно услышать жалобы на то, что запретили отращивать бороды, носить халаты. [Но] сегодня правительство приняло решение о демократическом, светском и правовом пути. Так что следуйте законам. Вам даны мечети, молитесь там».

Опрошенные эксперты сходятся во мнении, что государственная политика была сильной и привела к значительному контролю в религиозной сфере, хотя и не обязательно отметили это одобряющим тоном. Один эксперт, связанный с правительством, говоря о достижениях, отмечает также продолжающееся отсутствие общего понимания и координации между соответствующими государственными учреждениями, особенно когда речь идет о работе правоохранительных органов, которые проводят эту политику. Независимые эксперты, один из которых является журналистом, выражают обеспокоенность тем, что политика государства была чрезмерно ограничительной и нисходящей, один из них назвал ее «политическим радикализмом». Одна из поднятых проблем – это проблема обвинения только внешних факторов в проблеме РНЭ в Таджикистане: «никаких внутренних факторов, все идет извне», по мнению государства. Другой эксперт, исследователь в

⁷⁵ <https://www.rferl.org/a/tajiks-accuse-familiar-foe-despite-is-claim-in-attack-on-cyclists/29401482.html>

качестве рекомендаций подчеркивает необходимость деполитизировать правоохранительные органы в РНЭ, чтобы они не использовались государством в его политических целях.

Таким образом, в целом среди опрошенных, не экспертов и экспертов, существует согласие в том, что правительство Таджикистана проявляет усилия по контролю религиозной сферы и по противодействию радикализации и насильственному экстремизму, однако, как говорят эксперты, такая эффективность имеет свою цену. Следует также понимать, что даже эксперты могут высказывать свои критические замечания не в полной мере.

Взгляды на использование источников информации

Интервьюеры задавали вопросы респондентам об их способах использования источников информации, включая информацию о религии. На следующих страницах представлены краткие выводы по этим вопросам для каждой из трех стран.

Среди казахстанских респондентов в целом выявляется достаточно хорошо развитое критическое мышление по отношению к источникам информации. В Казахстане наблюдается высокий уровень критического восприятия информации, что подтверждается в интервью из разных мест с различными респондентами.

Говоря о телепередачах, которые, согласно результатам опроса, признаны наиболее достоверным и используемым источником информации во всех трех странах, респондент (Астана_женщина_17) с юмором и со скептицизмом оценивает: «Я не очень много смотрю телевизор, в основном по вечерам, и я смотрю всякие глупости или какую-то мыльную оперу, просто чтобы немного отключить мозг. Я больше не доверяю никаким аналитическим, информационным программам, потому что информация, передаваемая по этим каналам или программам, – все это очень хорошо обработанный материал». Затем она, не шутя, продолжает: «Никогда не будут сообщать о каналах, даже каналах оппозиции против нынешнего режима. Даже если программа представлена как оппозиционная, исходя из фактов, ясно, что все это театр. Такая программа была как раз тем, что разрешалось показывать на экране».

Большинство казахстанских респондентов проявляют осторожность и демонстрируют скептицизм в отношении информации, передаваемой мессенджерами и социальными сетями, большинство опрошенных рассказали, что они используют такие источники информации для развлечения, бизнеса или семейного общения, но не для получения информации о религии.

Их проницательное использование информации касается не только религии – они также понимают, какие СМИ склонны вещать в пользу государственной политики, какие являются более независимыми и критическими, а какие – обычными и развлекательными. Например, следующее замечание респондента является довольно показательным (Астана_мужчина_5): «Возьмите телеканал «Казахстан», поскольку он является государственным каналом, ясно, что он никогда не будет сообщать негативные новости [о правительстве]».

Многие респонденты также рассказывают, как они избирательно потребляют информацию и избегают того, что не заслуживает доверия. Так, респондент из Костаная, более разбирающийся в технологиях, очень пронизательно говорит о спаме, который может распространяться в мессенджерах (Костанай_мужчина_10): «Говоря о спаме, он... ну с почтой он уже довольно ограничен, есть специальные антиспам-программы, но с мессенджерами WhatsApp, Viber и др., так же как и Telegram, там много спама, и они еще не придумали эффективных программ для его блокирования. Так что меня все это несколько тревожит».

Все респонденты, которые говорили о религиозной информации и об образовании, поскольку религиозная информация рассматривается в основном в ее образовательном аспекте, как практикующие верующие, так и те, кто не практикует, подчеркивали необходимость в более качественных образовательных программах.

Тем не менее более информированные респонденты, такие как эксперт из Жезказгана, отметили, что контент медиапрограмм часто открыт для путаницы и манипуляций, в том числе и для канала «Асыл Арна»; он утверждал, что иногда на этом канале транслировался салафитский контент. Это, однако, должно быть рассмотрено вместе с дискуссионными комментариями нескольких экспертов о самом салафизме. Они отмечают плохое понимание и широкое осуждение салафизма как экстремистской идеи, тогда как на самом деле это внутренне разнообразная и в целом законная доктрина ислама, который, как оказалось, имеет внутри себя и более радикальные течения.

Что касается надежных источников религиозной информации, как отмечалось в предыдущем разделе, многие респонденты назвали ряд уважаемых религиозных лидеров и ораторов в качестве предпочтительных источников информации об исламе, в том числе имена Ануара Куанышбаева и Абдылды Сманова.

В публичном дискурсе часто говорится, что стратегия продвижения более умеренных исламских взглядов заключается в том, чтобы сочетать их с местной национальной культурой и ценностями, что предлагается в рамках концепции «традиционного ислама» в государствах Центральной Азии⁷⁶. В Казахстане эта стратегия включала превращение Абая (Кунанбаева), прославленного поэта XIX века, в центральный орган в определении правильного рода ислама для казахстанцев, о чем свидетельствуют дискуссии нескольких экспертов. Но такая локализация слишком узкая и не является лучшей или убедительной стратегией, как полагают некоторые респонденты.

Казахстанские эксперты, отвечая на вопросы о роли СМИ и журналистов в предотвращении радикализации, освещают ряд актуальных проблем. Они, как правило, соглашались с тем, что журналисты и СМИ не понимают религиозных вопросов должным образом, а также говорят о необходимости быть осторожными при написании статей о религии, поскольку часто смешивают религию и экстремизм. Предложения экспертов в отношении усиления СМИ в ПНЭ (PVE) включают в себя большую мобильность и быструю реакцию на текущие события (например, КЗ_эксперт_3),

⁷⁶ Например, см. экспертное интервью «Традиционный ислам в 'казахском стиле' против идеологии ваххабизма», *Central Asian Monitor*, <https://camonitor.kz/26016-tradicionnyy-islam-po-kazahski-protiv-vahhabitskoy-ideologii.html>

более инновационный и интересный медиаконтент, производство фильмов, историй, живые теледебаты и т. д. (например, эксперт Жаппар, КЗ_эксперт_8 и КЗ_эксперт_13), а также привлечение популярных имамов к производству материала ПНЭ (PVE). Эксперт Жаппар, который сам является теологом и работает в аналитическом и информационном офисе администрации в регионе, подчеркивает трудности, с которыми они сталкиваются при изготовлении материалов, направленных на предотвращение радикализации: нехватка высококвалифицированных экспертов для подготовки контента, нехватка финансовых ресурсов и времени, высокий уровень контроля и критики любого материала и т. д. Последний пункт является большой проблемой в казахстанских СМИ, что также наблюдается в Таджикистане, а именно нежелание СМИ освещать тему экстремизма и связанные с ним вещи из-за того, что это тема табу (КЗ_эксперт_13), которая сталкивается с пристальным вниманием со стороны государственных учреждений и религиозных экспертов. Для них, журналистов, работа будет намного проще, если они не будут освещать такие темы.

Кыргызстанские респонденты как в Бишкеке, так и в регионах подробно и скрупулезно говорили об источниках информации. Общая картина в этом отношении соответствует нашим предположениям, что в Кыргызстане больше свободы слова и критических взглядов на обсуждение различного рода информации, благодаря политическому климату, который допускает подобное.

Наиболее часто упоминаемым СМИ был «Азаттык» – кыргызская служба «Радио Свободная Европа / Радио Свобода»⁷⁷. А три способа его вещания – интернет, радио и телевидение – были упомянуты многими как предпочтительный источник информации. Как сказал молодой респондент (Бишкек_мужчина_21): «Если мы возьмем «Азаттык», то он дает очень хорошие идеи для публичного обсуждения и освещает интересные темы». В этом и других примерах многие люди поделились тем, что они предпочитают оппозиционно настроенные или вообще более критичные и независимые информационные агентства, а не СМИ, контролируемые государством. Это несколько отличается от того, что выяснилось в ходе исследования, что больше людей доверяют официальной государственной информации, что КТРК – главный телеканал страны, контролируемый государством, – признан лидером среди самых достоверных телевизионных каналов. Это несоответствие можно объяснить несколькими причинами: люди все еще могут смотреть то, что им не обязательно нравится (из-за удобства, доступности, времени и т. д.), что респонденты в опросе исходили из того, что было для них наиболее близким (КТРК является наиболее распространенным и полностью занятым телеканалом в Кыргызстане). А в ходе глубинных интервью респонденты давали больше разных ответов, а малая выборка в интервью показала более критичных потребителей информации, чем большая выборка в опросе.

Многие респонденты, ссылаясь в целом на сомнительное отношение к информации, поделились своими способами, как они проверяют полученную информацию на достоверность.

Среди многих респондентов телевидение преобладает в качестве основного или наиболее доверительного источника информации.

⁷⁷ «Радио Свободная Европа / Радио Свобода», международная медиасеть, финансируемая США и работающая в филиалах разных стран. Azattyk на кыргызском означает «свобода»

Что касается источников информации о религии, то очень немногие отметили социальные сети или мессенджеры. Важным исключением из этого были каналы на YouTube и размещенные видеолекции и проповеди популярных имамов – об этом говорят результаты опроса среди кыргызстанцев. Они, как правило, очень популярны, как это также было выявлено в опросе. Одними из самых популярных источников религиозной информации были мечеть и имам, книги или видео авторов, которых респонденты знают и уважают, некоторые телевизионные или интернет-сайты (такие как *Nasaat Media* и *Ayan TV*), а также друзья и родственники. Примечательно, что многие респонденты считали, что необходимо больше информации и образования об исламе.

В то же время респондент из Оша (Ош_женщина_1) отмечает необходимость быть осторожным с информацией об исламе: «...Меня также интересуют религиозные темы. Но я стараюсь избегать глубокого погружения в тему религии, потому что боюсь стать жертвой религиозных потоков, которые я не знаю. Я читаю книгу Мухаммеда Содика Мухаммеда Юсуфа (покойного известного узбекского религиозного лидера и муфтия), я доверяю этой книге».

Некоторые эксперты в Кыргызстане приветствуют тот факт, что в последнее время произошло улучшение в освещении в СМИ религиозных тем, направленных на ПНЭ: предоставление образовательных программ по религии, демонстрация наглядных примеров экстремистской деятельности и ее вреда или предоставление информации об экстремистских группах и конфликтах на Ближнем Востоке. Но, по крайней мере, один эксперт (КГ_эксперт_6), он/она религиозный эксперт, работающий в медиаиндустрии на тему религии и ПНЭ, также отмечает некоторые проблемы с этикой журналистов, пишущих об экстремизме или терроризме и не имеющих достаточных доказательств. Как утверждает тот же эксперт, на телевидении существует проблема с контролем дискуссии на религиозные темы – модератор либо сам придерживается радикальных взглядов (эксперт говорит о конкретном журналисте на ТВ с религиозным контентом), либо слишком светский, упрекающий гостей за ношение арабского одеяния.

Изучение каналов религиозной информации, используемых ЛВЭ, было бы очень занимательным, и мы в интервью попытались это проверить. Однако, как оказалось, это было довольно трудно отчасти потому, что несколько опрошенных в Кыргызстане ЛВЭ, честно говоря, были не сознательно радикальными агентами, а скорее жертвами случайного вовлечения в такие обвинения. Например, два человека, арестованные за хранение запрещенной экстремистской литературы «Хизб ут-Тахрир», утверждают, что данная литература появилась у них без их ведома и была оставлена другими людьми. Двое других мужчин, обвиненных и осужденных за членство в экстремистской организации, были очень сдержанны в своих ответах, по-видимому, они узнали о религии во время даваата, когда им читали лекции лидеры даваата или же они сами читали литературу в мечетях.

Наиболее ценные ответы были получены в трех других случаях: во всех из них основными источниками радикальной вербовки были их близкие родственники, и, когда они не находились в непосредственном контакте, такие родственники использовали другие средства связи для обмена информацией – *WhatsApp*, «*Одноклассники*» и просто видео по телефону. Один ЛВЭ (PIE), первоначально завербованный близким родственником, объясняет, что он смотрел видео и другие материалы в интернете, «*YouTube, Google, везде*». «Вы просто набираете слово «насилие», и оно

выходит... И вот так вы набираете «насилие и джихад», и выходят всякого рода вещи». Он описывал почти зависимость от просмотра и прослушивания такого материала, пока не получил задание подготовиться к отъезду в Сирию, когда ему еще не было и 20 лет. Опять же, респондент рассказывает о том, что им тщательно руководили, вербовал его же взрослый родственник, который сам уехал в Сирию и, возможно, умер там.

Респонденты из Таджикистана и по другим темам, как правило, были достаточно осторожны в своих ответах относительно источников информации. В целом большинство респондентов из Таджикистана, по-видимому, искали информацию, в том числе религиозную, у знакомых, родственников, друзей, а не в интернете или СМИ. Эта закономерность была особенно заметна среди респондентов в провинциальных районах страны, то есть повсюду за пределами Душанбе. Тем не менее они, конечно, ссылались на различные каналы, которые они использовали, с разным уровнем доверия и частотой использования. Из социальных сетей и мессенджеров жители Душанбе чаще всего используют *Facebook*, *YouTube* и *Instagram*, а также *WhatsApp*, *Viber* и *Zello*. И если в первых трех респонденты получают информацию и развлечения, последние три упоминались как средства общения с семьей и друзьями. Эти наблюдения и некоторые другие, приведенные ниже, как правило, подтверждаются результатами опроса в Таджикистане, как показано в следующей главе.

Многие респонденты были лояльны к государственным СМИ и в то же время открыто или косвенно сообщали, что они не доверяют независимым или иностранным источникам информации.

И наоборот, когда речь шла о независимых или оппозиционных СМИ, респонденты становились более критичными, как этот (Душанбе_мужчина_6): «Есть источники, которым я иногда доверяю, а иногда нет, например, «Азия-Плюс», потому что иногда представляют новости, которые они преувеличивают. Оппозиционные сайты не заслуживают большого доверия. [Почему?] Потому что они умеют только одно – критиковать кого-то или что-то». Другой респондент (Душанбе_женщина_4) поддерживает его в недоверии к «Азия-Плюс» – известному независимому информационному агентству в Таджикистане: они ложно освещали какую-то новость, и это очень разозлило ее, но она не могла вспомнить, что это было на самом деле и почему она разозлилась.

Как отмечалось выше, интернет используется некоторыми респондентами, в основном жителями столицы – Душанбе, и в качестве источника информации они в основном упоминают социальные сети *Facebook* и *YouTube*.

Респонденты, не являющиеся экспертами, выражают общее недоверие к интернет-СМИ и независимым источникам информации, но больше доверяют правительственным и официальным СМИ. Они также предпочитают получать информацию от людей, которых они знают, а не из СМИ. Все это может говорить о том, что многие респонденты были осторожны в своих ответах и говорили в соответствии с общей ситуацией в информационной экосистеме Таджикистана, определенной дискурсивной гегемонией. Это предположение возникает с учетом того, как таджикские эксперты, которые относительно свободны в своих ответах, отвечают на одни и те же вопросы.

Большинство экспертов отмечают, что на самом деле интернет как таковой и онлайн-СМИ являются очень популярными и широко используемыми источниками информации в Таджикистане. Действительно, один эксперт, исследователь проблем СМИ считает, что был сделан большой шаг к онлайн-медиаплатформам в ущерб более традиционным СМИ.

Как правило, все эксперты упоминают несколько наиболее популярных независимых СМИ в Таджикистане: «Азия-Плюс», «Озодагон» и «Фарадж». Большинство экспертов также отмечают улучшение среди некоторых контролируемых правительством СМИ, среди которых газета «Садои мардум», имеющая самое большое число подписчиков. Но, несмотря на финансовые и профессиональные улучшения, подчеркивает один эксперт – исследователь СМИ, государственные издания строго контролируют контент, который можно публиковать. Хотя эти источники информации в целом упоминаются как популярные, они не так часто освещают темы, связанные с радикализацией и ПНЭ, отмечает эксперт. На вопрос «почему» он коротко отвечает: «Это конфиденциальная информация».

Отмечая улучшения в СМИ, контролируемых государством, эксперты говорят о сохраняющихся недостатках в освещении вопросов, связанных с РНЭ, в таджикских СМИ: недостаточное владение журналистами данной темой, отсутствие свободы в публикациях на такие темы. Один из экспертов, как упоминалось выше, говорит о чрезмерном фокусе на онлайн-СМИ и невнимании к печатным и телевизионным средствам массовой информации, где, по его мнению, идет более эффективная работа и где улучшения могут отразиться на более широкой аудитории. Еще одна рекомендация, озвученная, по крайней мере, тремя экспертами: необходимо более тесное сотрудничество между СМИ и экспертами, особенно в области ПНЭ.

Сравнительные выводы

Случаи в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, как обсуждалось выше, показывают некоторую общую закономерность и различия в вопросах данного исследования. Различие проявляется в уровне дискурсивной гегемонии в публичном дискурсе, а значит, в дискурсе о религии и РНЭ. Анализ интервью по странам отражает режим в информационной экосистеме каждой страны: в Таджикистане сильная дискурсивная гегемония, в Казахстане – средняя, в Кыргызстане – слабая.

Определенные радикальные идеи имеют идеологическую привлекательность (обычно называемые «салафизмом» во всех трех странах): нарративы, изображающие мир как одно целое, состоящее из мусульман, борющихся с неверными, получающих в награду возможность стать воинами джихада, мечты о жизни в халифате и т. д. Во всех трех странах существует проблема плохого понимания религии и слабого религиозного образования. Это подтверждается в историях респондентов ЛВЭ в Кыргызстане и Таджикистане: не многие люди говорят на высоком и идеологически мотивированном языке, объясняя свои позиции по радикализму и экстремизму, а большинство говорит, что были введены в заблуждение радикальными и экстремистскими идеями. Эксперты всех трех стран обвиняют государство (особенно в Кыргызстане), его неспособность контролировать то, что люди изучают. Действительно, во всех странах эксперты-респонденты отмечают несколько улучшенное, но все же недостаточное понимание религии и смежных вопросов соответствующими

государственными органами и их должностными лицами, что, в свою очередь, приводит к плохой способности государства проводить политику ПНЭ.

Наряду с идеологическими факторами респонденты во всех странах упоминают общий фактор – экономические трудности, с которыми сталкиваются люди, когда некоторые находят «отдых от ежедневных забот» в экстремистской деятельности. Бедность, безработица, неспособность обеспечить свои семьи и в некоторых интервью обещание щедрых денежных вознаграждений за присоединение к экстремистским группам – все это является причинами радикализации. Этот набор факторов не так часто встречается в историях респондентов ЛВЭ. Только один респондент, молодой человек из Кыргызстана, рассказывает подобную историю, как его дядя заинтересовался, а затем отправился в Сирию в то время, когда он был банкротом и в долгах, и как он отправлял деньги семье из Сирии несколько раз. Тем не менее в этой истории также присутствует значительный уровень идеологической мотивации, так как человек рассказывает, как дядя, а затем он сам после отъезда дяди, смотрел джихадистские видео в интернете.

Политические движущие силы радикализации упоминаются реже в Казахстане и Таджикистане, а когда их упоминают, то утверждают, что коррупция в различных государственных органах толкает людей на протест. В Кыргызстане этот фактор рассматривается как, возможно, самый важный. В частности, многие респонденты из Кыргызстана (не эксперты и эксперты) указывают на политические обиды, несправедливость и дискриминацию в качестве основных факторов, подталкивающих к радикализации. Узбекские этнические общины на юге Кыргызстана и религиозные группы отметили вышеуказанные проблемы. Значимость факторов политического толчка обнаруживается в историях нескольких респондентов ЛВЭ из Кыргызстана, а также в нескольких случаях радикализации, связанных с обычными респондентами.

Уязвимость трудовых мигрантов, женщин и молодежи перед радикальной вербовкой, как изучалось во многих предыдущих исследованиях и как первоначально подразумевалось в настоящем исследовании, не стали главными факторами. Среди респондентов ЛВЭ действительно были случаи радикализации во время трудовой миграции в России (три случая в Таджикистане и один случай в Кыргызстане), радикализация с участием женщин (женщины следуют за родственниками-мужчинами или, наоборот, сами ведут в Сирию) и радикализация молодежи – не менее четырех человек в возрасте 20 лет и пара подростков. Однако, помимо репрезентативности выборки у респондентов ЛВЭ, каждый случай, по-видимому, включал в себя сочетание нескольких факторов, ведущих к радикализации. Среди обычных респондентов во всех странах молодежь чаще всего упоминалась как наиболее уязвимая перед радикализацией из-за плохого образования, отсутствия жизненного опыта, безработицы и т. д. Тем не менее такие гипотезы в значительной степени основывались на том, что люди слышали, а не на установленных доказательствах⁷⁸. Это не означает, что каждая из этих категорий – трудовые мигранты, женщины и молодежь – действительно имеет

⁷⁸ Уязвимость молодежи, конечно, проблема, которая многократно изучена и доказана. Но смотрите критический обзор, связывающий радикализацию молодежи с идеологическими движущими силами и связями, у Эрика Харпера «Реконцептуализации движущих сил насильственного экстремизма: План для устойчивости детей и молодежи», WANA Institute, 2018 г.

уязвимые места, характерные для этого состояния; однако такая уязвимость сама по себе не является достаточной для того, чтобы побудить человека к радикализации. В опросах респондентов, представляющих эти категории, не было особой модели, которая бы указала на их уязвимость к радикальным идеям.

Радикализация и насильственный экстремизм представляют собой сложные многофакторные явления, которые нельзя достоверно свести к какому-либо одному движущему фактору как главному⁷⁹. Это подчеркивалось несколькими экспертами и в различных исследованиях. Каждый отдельный случай радикализации будет отличаться, и любая категория людей будет подвергаться комплексу всевозможных факторов.

Что касается соответствующих потоков информации, то между тремя странами опять же есть некоторые различия, соответствующие уровню дискурсивной гегемонии. В Кыргызстане информационные потоки разнообразны и не имеют строгого контроля, иногда даже с участием ведущих телевизионных шоу, которые сами разделяют радикальные идеи и осуждают светских людей, как упоминалось выше. В Таджикистане, наоборот, общее наблюдение всех интервью предполагает, что государство установило строгий контроль над любыми потоками информации, причем многие респонденты предпочитают использовать контролируемые государством или иным образом официальные источники информации, такие как телевидение и газеты.

В Казахстане и Кыргызстане существует несколько информационных каналов, телевизионных и онлайн, которые специализируются на религиозной информации и образовании и пользуются популярностью в обеих странах. На таких специализированных информационных сайтах и за их пределами существует в обеих странах несколько популярных религиозных лидеров, за которыми следят многие респонденты и которые служат ключевыми источниками религиозной информации. В Таджикистане не было выявлено ни специализированных СМИ, ни видных лидеров. В то же время во всех трех странах в качестве популярных источников общей информации были названы несколько интернет-изданий, в том числе *Tengrinews*, *365info*, *Zakon.kz* и т. д. (Казахстан), *Azattyk* и *Akipress* (Кыргызстан) и «Азия-Плюс», «Озодагон» и «Фарадж» (Таджикистан). Кроме того, важным каналом информации, особенно о религии, выявленным во всех странах, было личное общение респондентов с людьми, которых они знают, а не со средствами массовой информации.

Различные социальные сети и мессенджеры используются в качестве соответствующих каналов информации, хотя и с определенной степенью скептицизма среди многих респондентов. А именно, информация, передаваемая через *WhatsApp* или *Viber*, игнорируется, либо респонденты пользуются ими для общения с семьей и друзьями или для работы, а также для передачи интересного контента. Для получения более существенной информации, включая информацию о религии (например, просмотр лекций своих любимых проповедников), респонденты во всех трех странах упоминают *Facebook* и *YouTube*. *Instagram* также является популярной платформой для многих респондентов, хотя в основном используется для общения и развлечений.

⁷⁹ Например, см.: Хариет Алан и другие «Движущие силы насильственного экстремизма: гипотезы и обзор литературы», RUSI, 2015 г.

Что касается достоверных источников информации, некоторые из приведенных выше моделей повторяются. В Казахстане несколько источников информации пользуются доверием: *365info* и *Tengrinews* среди онлайн-СМИ, Казахстанское ТВ (государственная телевизионная корпорация с большим количеством каналов), КТК (независимый телеканал) и «Хабар» – среди телевизионных каналов. Казахстанские респонденты понимают, что вышеописанные СМИ вещают в политически допустимых рамках или просто то, что утверждено государством. Доверительными источниками информации о религии в Казахстане являются канал «Асыл Арна» (телевидение и онлайн) и такие клерикалы, как Ануар Куанышбаев и Абдылда Сманов.

В Кыргызстане, как и в Казахстане, есть несколько общеизвестных источников информации («Азаттык», безусловно, самый популярный), но есть также понимание, что большинство СМИ немного предвзяты. КТРК (контролируемый государством основной телеканал) популярен, но респонденты знают о его предвзятости, НТС (независимый телеканал) пользуется популярностью среди других, хотя и рассматривается как служащая интересам особых сторон (принадлежит Омурбеку Бабанову – крупному политику и бизнесмену). Несколько источников религиозной информации пользуются популярностью у многих кыргызстанских респондентов, хотя и без того уровня популярности, которым, похоже, пользуется казахская «Асыл Арна»; к ним относятся *Ayan TV* и *Nasaat Media*, а также видеолекции популярных лидеров Чубака Джалилова и Абдышукура Нарматова.

Как и в случае с общими каналами информации, Таджикистан также несколько отличается с точки зрения доверительных источников информации. В то время как часть респондентов – в основном городские и опытные респонденты – доверяют нескольким независимым СМИ, таким как «Азия-Плюс», «Озодагон» и «Фарадж», а также негосударственному «Радио Озоди», другая часть респондентов – в основном из сельской местности – высказала большее доверие к государственным СМИ и газетам. В отношении информации о религии респонденты из Таджикистана не ссылаются на какой-либо конкретный источник как заслуживающий доверия, вместо этого обычно упоминают книги, знающих людей и интернет.

Учитывая вышеприведенные наблюдения, вопрос об усилении местных голосов указывает на разные ответы в трех странах. Принимая во внимание различные уровни государственной дискурсивной гегемонии в публичном дискурсе, не всегда было ясно, какими должны быть местные голоса. Особенно в Таджикистане, где государство полностью охватило пространство публичного дискурса. Но тем не менее в некоторых затронутых темах и проблемах, таких как память о гражданской войне или нынешняя трудовая миграция, в некоторых источниках информации, включая мечети и независимые онлайн-источники, появляются дополнительные каналы усиления местных голосов и устойчивости. Обсуждение поднятых вопросов, которые касаются граждан, через информационные каналы, которым они доверяют, могло бы стать началом. В Казахстане, немного более открытом информационном пространстве, голоса, которые нуждаются в усилении, – это имамы и другие голоса из религии: несколько экспертов, опрошенных из провинций, считали, что способность таких агентов слишком подавлена ограничительным регулированием религиозной сферы. Большая свобода независимых СМИ в публикациях материалов по вопросам, связанным с радикализацией, будет еще одним необходимым условием для поддержки устойчивости. Ярко

выраженные представления о несправедливости и дискриминации в южном регионе Кыргызстана предполагают, что местные голоса в этих сообществах должны быть услышаны. Без такого открытия узбекские сообщества, вероятно, останутся уязвимыми для более радикальных идей и действий. Несколько популярных религиозных деятелей были голосами умеренности и просвещения, роль таких уважаемых голосов в повышении устойчивости к радикализации должна быть признана, а их охват увеличен.

Все вышеприведенные наблюдения, основанные на качественном исследовании, интервью, не содержат цифр, процентов и других точных показателей, потому что данные в исследовании не ориентированы на такую презентацию. Статистика данных, в первую очередь касающихся источников информации и доверия к ним, в трех странах представлена в следующей главе. Как было замечено, существует постоянное совпадение между наблюдениями от качественного исследования в настоящей главе и результатами опроса относительно моделей использования информации, о которых сообщается в следующей главе. Именно к этим данным мы перейдем дальше.

Глава 3: Опросы

Серия социологических опросов была проведена в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане в августе 2018 года. Опросы проводились со следующими целями: дополнение данных из качественного исследования, представленных в предыдущей главе; выявление точности и количества различных наблюдений; перекрестная проверка достоверности различных результатов качественного исследования; получение национальной репрезентативной картины относительно некоторых тем, представляющих особый интерес для проекта. Как видно ниже, все основные модели, касающиеся источников информации и их использования, подтверждаются опросами. Кроме того, в общих наблюдениях, приведенных выше, даны более подробные сведения, которые нельзя было отразить и обобщить в ходе глубинных интервью.

При составлении анкеты было решено, что более важным и необходимым будет опрос об использовании информации и информационной экосистемы. В то время как глубинные интервью дают много подсказок и указаний в этом вопросе, именно количественные показатели и диапазоны, взятые на национальных репрезентативных выборках, могут дать более прочную основу для обобщений, касающихся использования информации и экосистемы. В связи с тем, что вопросы о движущих силах экстремистских идей очень чувствительны и сложны, они не были включены в опросы. Кроме того, они более подходят для качественного исследования и интерпретационного анализа. Эти вопросы были рассмотрены в качественном исследовании, а также были подробно изучены в существующей литературе в рамках кабинетного анализа.

Анкета для опроса была простой и короткой: 22 полуоткрытых вопроса и 8 демографических вопросов, она была составлена на понятном для респондентов языке⁸⁰. Вопросы, касающиеся

⁸⁰ Анкета в разделе «Приложение».

местных источников информации или других смежных тем, были изменены, чтобы отразить точную информацию по конкретной стране. Таким образом, полученные ответы составили около 90%.

Выборка была сделана, во-первых, по региону⁸¹, во-вторых, по местности – город/село и, в-третьих, по возрасту – от 17 лет и старше, а также по методу «снежного кома». В Казахстане, территориально большой стране, респонденты были отобраны в восьми административных единицах во всех частях страны, включая две столицы – Астану и Алматы. В Кыргызстане и Таджикистане выборка была сделана во всех административно-территориальных единицах, включая столичные регионы. Разбивка выборок в каждой стране по трем ключевым демографическим переменным – местность (город/село), пол и возраст – представлена ниже в таблицах. Другие переменные (род деятельности/профессия и образование) не представлены и не используются в приведенном ниже анализе, поскольку было обнаружено, что различия в использовании информации по этим переменным не были значительными, и, учитывая сравнительно небольшие выборки, составляющие около 600, было неуместным разбивать образцы на множество параметров.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫБОРКА

	Казахстан		Кыргызстан		Таджикистан	
	Счет	% ⁸²	Счет	%	Счет	%
Гендер						
Мужчина	252	41.9	280	47.5	315	54.6
Женщина	348	57.9	308	52.3	256	44.4
Не указан	1	0.2	1	0.2	6	1.0
Всего ⁸³	601	100	589	100	577	100
Возраст						
17-21	229	38.1	188	31.9	113	19.6
22-32	166	27.6	176	29.9	159	27.6
33-43	107	17.8	110	18.0	131	22.7
44-60	69	11.5	156	13.6	139	24.1
61+	21	3.5	20	3.3	31	5.4
Не указан	9	1.5	19	3.3	4	0.7
Всего	601	100	589	100	577	100
Место жительства						
Город	349	58.1	337	57.2	300	52.0
Село	252	41.9	252	42.8	262	45.4
Не указан	0	0	0	0	15	2.6
Всего	601	100	589	100	577	100
Род деятельности						
Домохозяйка	56	9.3	81	13.8	41	7.1
Фермер	8	1.3	16	2.7	22	3.8
Мастер на все руки	45	7.5	26	4.4	45	7.8
Предприниматель	55	9.2	48	8.1	40	6.9
Трудовой мигрант	47	7.8	43	7.3	44	7.6
Медицинский работник	27	4.5	32	5.4	33	5.7
Учитель	45	7.5	36	6.1	59	10.2
Госслужащий	54	9.0	27	4.6	38	6.6
Работник НПО	17	2.8	16	2.7	8	1.4

⁸¹ Фактически представители всех регионов Кыргызстана и Таджикистана были опрошены.

⁸² Общий процент не учитывает округление.

⁸³ Общее количество несоответствий возникло из-за того, что респонденты не дали все ответы (недостающие данные).

Юрист	13	2.2	6	1.0	6	1.0
Студент	120	20.0	157	26.7	111	19.2
Безработный	44	7.3	27	4.6	70	12.1
Пенсионер	18	3.0	17	2.9	26	4.5
Другое	47	8.6	10	1.7	32	5.5
Не указан	5	0.8	47	8.0	2	0.3
Всего	601	100	589	100	577	100
Образование						
Высшая ученая степень (PhD или эквивалентная)	22	3.7	7	1.2	18	3.1
Высшее (специалист, бакалавр, магистр)	240	39.9	128	21.7	176	30.5
Неоконченное высшее	78	13.0	121	20.5	118	20.5
Средне-специальное	133	22.1	63	10.7	68	11.8
Оконченное среднее	109	18.1	174	29.5	154	26.7
Неоконченное среднее	12	2.0	68	11.5	27	4.7
Без образования	1	0.2	17	2.9	12	2.1
Нет ответа	6	1.0	11	1.9	4	0.7
Всего	601	100	589	100	577	100

В ходе опроса были заданы вопросы в четырех разделах о моделях использования информации: 1) источники используемой информации; 2) доверие к источникам информации; 3) модели использования социальных сетей и мессенджеров; 4) интерес к религиозной информации. Они в основном направлены на то, чтобы подробно описать два основных вопроса исследования – информационные потоки и доверительные источники информации. Ниже представлены результаты опросов по всем трем странам.

Следует отметить, что по некоторым вопросам отсутствуют результаты, поскольку респонденты оставили их без ответов. С учетом недостающих ответов там, где это возможно, проценты рассчитываются как «валидные проценты» на основе фактических ответов, а не по размеру выборки. Это означает, что недостающие ответы (недостающие данные в произвольном порядке) и места, где данные отсутствуют, пропущены и только оставшиеся данные проанализированы и подтверждены в качестве полного анализа.

Источники информации: предпочтения

За демографическими вопросами следовали вопросы об источниках информации, чаще всего используемых респондентами. Варианты были представлены в списке наиболее вероятных ответов, из которых респондент мог выбрать тот, который он предпочитает больше всего. В Таблице 1 показано распределение наиболее предпочтительных/используемых источников информации в каждой стране.

Телевизионные новости оказались популярными во всех трех странах – в Казахстане (30%) и Таджикистане (35%), а также за ними идут социальные сети в Кыргызстане (27,6% по сравнению с 27,8% у теленовостей). Просмотр новостей по телевизору нас немного удивил в эпоху «фейковых новостей» и пропаганды, которые идут с телевизора. Однако, как объясняют некоторые респонденты в ходе глубинных интервью, в частности в Таджикистане телевидение рассматривается

как более доверительный источник информации, так как оттуда идет официальная, т. е. настоящая, следовательно, заслуживающая доверия информация. Тем не менее здесь могут быть и другие объяснения, требующие более глубокого изучения предпочтений телезрителей.

Таблица 1. Источники информации ⁸⁴

	КЗ	КГ	ТЖ
ТВ-новости и программы	30,0%	27,6%	34,9%
Радио	5,0%	6,1%	8,8%
Социальные сети («Одноклассники», Facebook и др.)	27,2%	27,8%	16,3%
Информационные сайты и порталы	11,6%	10,4%	8,8%
Мессенджеры (WhatsApp и др.)	15,3%	16,5%	2,2%
Газеты	5,1%	5,1%	12,9%
Окружающие люди (родственники, друзья, чиновники и т.д.)	5,7%	6,5%	16%
Всего	100%	100%	100%

При анализе новостных программ и использования социальных сетей появляется определенная закономерность. Предпочтения респондентов различаются по возрасту: чем моложе респонденты, тем больше они используют социальные сети и меньше смотрят новости. Только в Таджикистане просмотр новостей остается более предпочтительным, чем использование социальных сетей, даже для молодых групп.

Таблица 1.1 ТВ-новости против социальных сетей, которые предпочитают возрастные группы

	17-21 (17-22)	22-28 (23-29)	29-37 (30-42)	38+ (43+)
Казахстан – ТВ	46.8%	46.9%	59.1%	81.0%
Социальные сети	66.5%	55.8%	53.0%	30.6%
Кыргызстан – ТВ	49.5%	50.9%	62.7%	76.9%
Социальные сети	79.3%	67.2%	59.1%	34.6%
Таджикистан – ТВ	78.4%	72.5%	85.2%	93.8%
Социальные сети	52.5%	50.0%	44.5%	17.5%

Фактически социальные сети являются самыми популярными источниками информации в Кыргызстане. Учитывая тот факт, что проникновение интернета в Казахстане выше, чем в Кыргызстане, на самом деле интернет-источники информации одинаково популярны в обеих странах, в Кыргызстане более 27%, что говорит о том, что доступ к интернету и его использование действительно стали очень широко распространены среди кыргызстанцев. Таджикистан выделяется в этом отношении – только около 16% респондентов используют социальные сети. Уровень проникновения интернета в Таджикистане и Кыргызстане примерно одинаков: 33% и 35% соответственно в 2018 году (Казахстан - 77%).⁸⁶ Тем не менее в Таджикистане социальные сети имеют такой же уровень доверия, как «знакомые» и «мессенджеры», и он относительно низок –

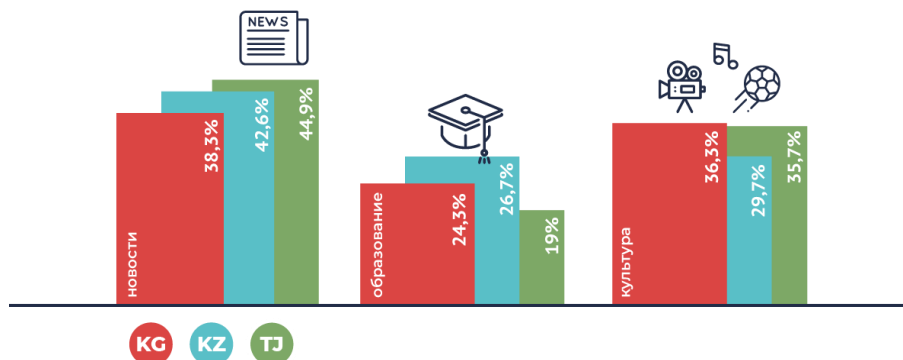
⁸⁴ Здесь и далее вместо буквального перевода вопроса (который был задан респондентам на пяти разных языках, а не на английском) предоставляется только значение.

⁸⁶ <https://www.slideshare.net/wearesocial/digital-in-2018-in-central-asia-86866176>

всего лишь 2,2%. Это говорит о том, что, возможно, в Таджикистане все еще существует сильная культура общения и взаимодействие между людьми, которое составило 13%. Газеты также являются предпочтительным источником информации среди таджикистанцев, и это является еще одним интересным моментом, отличающим эту страну от двух других. Во всех этих вопросах, применимых к социальным сетям, знакомым и газетам как источникам информации, результаты опроса совпадают с данными глубинных интервью. И наконец следует отметить, что новостные сайты не пользуются особой популярностью ни в одной из трех стран, несмотря на то что в последнее время все больше и больше СМИ вещают онлайн.

На вопрос, какой информацией респонденты больше всего интересуются во всех трех странах, они дали следующие результаты (**Рисунок 1**): новости (национальные и международные) стоят на первом месте, культура (музыка, спорт, фильмы и т. д.) занимает второе место, а образование (история, просвещение и т. д.) находится на третьем месте. В каждой стране порядок предпочтения трех источников информации сохраняется во всех возрастных группах, за исключением одного: самая молодая группа (17-21) в Кыргызстане интересуется больше культурой (67,9%) по сравнению с новостями (57,6%).

Рисунок 1. Источники наиболее интересной информации

Источники информации (**Таблица 2**) и предпочтения также распределились по следующим результатам. В Кыргызстане больше респондентов предпочитают информацию в видеоформате (что также связано с их предпочтением онлайн-источников) по сравнению с респондентами Казахстана и Таджикистана, которые больше предпочитают новостные ТВ-программы. Телевизионные ток-шоу находятся на втором месте по предпочтительности во всех трех странах, для четверти респондентов в каждой стране. Интересно, что хотя большинство респондентов в Таджикистане предпочитают газеты в качестве источника информации, по сравнению с респондентами из Казахстана и Кыргызстана, печатной продукции по объему у них производится меньше, чем в последних двух странах. Также примечательно, что радио не является популярным во всех трех странах и составляет меньше 10%.

Таблица 2. Источник предпочитаемой информации

	КЗ	КГ	ТЖ
ТВ-ток-шоу	25,2%	22,8%	24,1%
Радиопрограммы	6,1%	8,4%	8,4%
Информационные новости	33,5%	17,0%	33,3%
Видеоформат	17,2%	28,3%	22,3%
Газеты и печатная продукция	9,5%	11,0%	4,8%
Визуальная информация (картины, инфографика, и т. д.)	8,1%	12,3%	7,0%
Другое	0,5%	0,2%	0,1%
Всего	100%	100%	100%

Если делить источники предпочитаемой информации по демографическим группам, то наблюдается некоторая тенденция. Таким образом, в каждой стране в зависимости от пола респондента (мужчина или женщина) и места проживания наблюдается одинаковый источник трех основных предпочтений (как в **Таблице 2**), здесь незначительные различия в процентном соотношении. Во всех странах молодежные группы отдают предпочтение онлайн-источникам информации (видео и визуальные источники), а пожилые группы предпочитают более традиционные источники (информационные /новостные программы во всех трех странах); ток-шоу в Казахстане и Кыргызстане; радиопрограммы в Таджикистане. Кроме этого, было изучено время использования информации, то есть сколько времени респонденты тратят на поиск и использование информации из разных источников, в какое время дня они смотрят разные источники информации.

В Таблице 3 представлены данные о времени, потраченном на использование различных источников информации во всех трех странах. Как показывают результаты, в Кыргызстане респонденты меньше времени тратят на информационные сайты, на чтение газет и прослушивание радио. Больше времени (более 3 часов в день) тратят на социальные сети и общение в мессенджерах. Эти результаты значительно выше по сравнению с результатами из Казахстана или Таджикистана, что говорит о более продвинутой культуре пользования социальными сетями (мессенджерами).

Результаты из Казахстана показывают, что респонденты тратят в день более 3 часов на любой источник информации; «время для информации» у большинства респондентов составляет от «30 минут и меньше» до «1-2 часов в день». При этом относительно часто используемым источником информации являются социальные сети, телепрограммы и мессенджеры (с каждым из них более 50% респондентов проводят «1-2 часа» или «более 3 часов» в день).

Аналогичные результаты в Таджикистане: меньше людей тратят более 3 часов на любой источник информации, в то время как еще меньше тратят (30 минут и меньше) на любой источник информации. При этом, как в Казахстане и Кыргызстане, социальные сети, телепрограммы и мессенджеры, по-видимому, занимают «время для информации» у большинства респондентов Таджикистана по сравнению с другими источниками информации.

Таблица 3. Время, потраченное на информацию по следующим источникам.

Ответы респондентов, использующих тот или иной источник в списке.

Кыргызстан	Меньше 30 мин/день	Около 1-2 часов/день	Более 3 часов/день	Не уверен	Всего
Новостные ТВ-программы	37,5%	41,3%	17,9%	3,3%	100%
Радиoproграммы	45%	19,2%	18,8%	17,1%	100%
Социальные сети	14,7%	37,2%	44,2%	3,9%	100%
Информационные/новостные сайты	51,8%	28,5%	8,8%	10,9%	100%
Газеты (местные и государственные)	54,6%	21,0%	8,1%	16,2%	100,0%
Мессенджеры	22,6%	34,3%	39,8%	3,3%	100%
Казахстан	Меньше 30 мин/день	Около 1-2 часов/день	Более 3 часов/день	Не уверен	Всего
Новостные ТВ-программы	39%	41,2%	10%	9,8%	100%
Радиoproграммы	52,8%	23,1%	4,9%	19,2%	100%
Социальные сети	26,9%	43,8%	19,2%	10,1%	100%
Информационные и новостные сайты	47,6%	28,9%	9,5%	14,0%	100%
Газеты (местные и государственные)	46,9%	23,6%	6,2%	23,3%	100%
Мессенджеры	38,7%	33,4%	17,8%	10%	100%
Таджикистан	Меньше 30 мин/день	Около 1-2 часов/день	Более 3 часов/день	Не уверен	Всего
Новостные ТВ-программы	41,6%	39,5%	17,3%	1,6%	100%
Радиoproграммы	61,6%	24,0%	8,3%	6,1%	100%
Социальные сети	38,4%	38,1%	20,5%	3,0%	100%
Информационные и новостные сайты	53,7%	27,5%	13,3%	5,6%	100%
Газеты (местные и государственные)	58%	27%	8,7%	6,3%	100%
Мессенджеры	33,6%	33,9%	29,0%	3,5%	100%

Рассматривая вышеприведенные результаты, можно сделать выводы по демографическим группам. Во всех трех странах, независимо село это или город, мужчины или женщины, газеты и радио, были указаны как неиспользуемые источники информации больше всех остальных. Около 50% женщин и сельских жителей во всех странах утверждают, что не используют ни один из этих источников, при этом лишь небольшой процент мужчин и городских жителей пользуются ими.

Другой вопрос касался способа потребления информации респондентами: в какое время суток они используют и потребляют информацию. И результаты показали следующее. Респонденты в Кыргызстане (Таблица 4.1) почти всеми источниками информации (кроме телевидения) пользуются в любое время суток, то есть когда им удобно. Технически это означает, что в основном люди получают информацию через смартфоны (они не могут смотреть телевизор в любое время суток). Однако в Кыргызстане (также в Таджикистане) респонденты произносили словосочетание «когда это удобно», тогда как казахстанские респонденты больше произносили «в течение дня».

Таблица 4.1. Время информации, получаемой в течение дня. Кыргызстан

	В 12:00 или раньше	С 12:00 до 14:00	С 14:00 до 18:00	С 18:00 до 22:00	После 22:00	В течение дня/когда удобно	Не уверен	Всего
ТВ	7,1%	4,6%	5,4%	37,7%	10%	33,7%	1,5%	100%
Радио	13,4%	10,8%	4,5%	4,5%	2,6%	53%	11,2%	100%
Социальные сети	5,1%	2,5%	6,3%	19%	13,5%	51%	2,5%	100%
Информационные/ новостные сайты	8,9%	8,9%	6,1%	14,5%	8,1%	46,9%	6,4%	100%
Газеты	6,7%	10,7%	6,7%	8,7%	6%	48,3%	13%	100%
Мессенджер	5,5%	4,3%	4%	11,5%	12,6%	59,8%	2,3%	100%

Результаты показали, что социальные сети и мессенджеры – самые популярные источники информации у городских /сельских жителей, и 54,7% горожан пользуются социальными сетями «в течение дня, когда это удобно» (против 44,6% сельчан), 64,9% горожан пользуются мессенджерами (против 52,4% сельчан). Если разделить те же самые результаты по гендеру, то выясняется, что женщины пользуются интернетом «когда это удобно» по сравнению с мужчинами. А если разделить по возрасту, то «когда это удобно» применимо ко всем возрастным группам, но молодежь (17–21) пользуется на 10% выше остальных – 68,7%, при этом 59,3% из них пользуются мессенджерами и социальными сетями «в течение дня, когда удобно».

Результаты в Казахстане показывают (в **Таблице 4.2**) противоположную картину. Наименьший процент респондентов в этой стране пользуется информацией «в любое удобное время, в любое время суток». Общие результаты показывают, что 33,4% смотрят телевизор рано днем, а те, кто слушают радио или читают газеты, делают это после 22:00. Доступ к интернету (к социальным сетям и информационным сайтам) больше в дневное время, возможно, через смартфоны, хотя вечером цифра может завышаться.

Таблица 4.2. Время информации, получаемой в течение дня. Казахстан

	В 12:00 или раньше	С 12:00 до 14:00	С 14:00 до 18:00	С 18:00 до 22:00	После 22:00	В течение дня/когда удобно	Не уверен	Всего
ТВ	6,7%	33,4%	11,8%	19,3%	17,3%	5,5%	6%	100%
Радио	4,4%	6,4%	8,4%	21,8%	47,9%	3,1%	8%	100%
Социальные сети	4,5%	10,8%	15,2%	44,7%	16,8%	1,6%	6,5%	100%
Информационные/ новостные сайты	3,9%	10,4%	10,8%	35,5%	29,5%	3%	6,9%	100%
Газеты	2,6%	6,3%	8,3%	24,1%	48,1%	1,9%	8,6%	100%
Мессенджеры	2,5%	7,4%	10,5%	53,4%	19%	0,9%	6,4%	100%

Как видно из таблицы, для казахстанцев вечерние часы от 18.00 до 22.00 являются наиболее предпочтительными для доступа к источникам информации – и в основном это опять же мессенджеры, социальные сети и информационные порталы, для всех возрастов, полов, жителей села или города; 35,8% смотрят телевизор во время обеда, в основном городские жители, а сельские

жители – во второй половине дня. Радио в основном слушают в позднее время, после 22:00 все демографические группы. Во всех этих результатах примечательным является равномерное распределение процентов всех демографических групп – при незначительном различии все группы показывают одинаковый результат.

И наконец результаты в Таджикистане сходятся с результатами в Кыргызстане при использовании мессенджеров, социальных сетей и новостных сайтов в качестве источников информации в «любое удобное время в течение дня», что снова указывает на смартфоны как преобладающее средство доступа к информации. 44,4% смотрят телевизор с 18:00 до 22:00, а 22,5% – слушают радио в утренние часы до 12:00.

Таблица 4.3. Время информации, получаемой в течение дня. Таджикистан

	В 12:00 или раньше	С 12:00 до 14:00	С 14:00 до 18:00	С 18:00 до 22:00	После 22:00	В течение дня / когда удобно	Не уверен	Всего
ТВ	12,2%	4,4%	4,1%	44,4%	12,7%	21,7%	0,6%	100%
Радио	22,5%	6,5%	8,2%	11,7%	9,1%	38,5%	3,5%	100%
Социальные сети	3%	4,2%	4,8%	11,2%	19%	56,2%	1,5%	100%
Информационные/ новостные сайты	4,3%	1,3%	6,6%	12,2%	18,4%	53,3%	3,9%	100%
Газеты	8,5%	8,2%	9,7%	14,1%	7,3%	48,1%	4,1%	100%
Мессенджеры	3,2%	3,2%	4,8%	8,8%	18,4%	60,5%	1,1%	100%

Во всех демографических группах в Таджикистане выбрали вариант ответа «в течение дня, когда удобно» при использовании новостных порталов, мессенджеров и социальных сетей. Согласно результатам, 16,1% женщин смотрят ТВ «в 12:00 или раньше» (против 9,3% мужчин), а 8,5% смотрят телевизор после 22:00 (против 16,2% мужчин). Но даже здесь общее распределение времени для просмотра одинаково как для женщин и для мужчин – большинство из них смотрят телевизор в основном в вечерние часы.

Итог вышеприведенных результатов по предпочтениям источников информации: между тремя странами существуют некоторые различия, но и некоторые схожести. Телепрограммы пользуются большой популярностью у всех респондентов, радио менее популярно, социальные сети и мессенджеры широко используются во всех трех странах, хотя в Кыргызстане их предпочитают больше всего. Большинство людей во всех трех странах предпочитают (в разных процентных соотношениях) информацию через новости, видеоформат и телевизионные ток-шоу.

Если распределить источники информации и их пользование на демографические группы, то особых различий не возникает между селом и городом или между мужчинами и женщинами. Более

интересные и более широкие различия обнаруживаются среди разных возрастов: молодежь, как правило (и неудивительно), предпочитает любой новый источник информации через интернет и смартфоны, тогда как пожилые люди предпочитают традиционные СМИ – телевидение, радио и газеты. Тем не менее телевидение, как показали результаты, оказалось самым популярным источником информации среди всех демографических и возрастных групп.

Доверие к источникам информации

Этот раздел данных, собранных в ходе опросов, связан с доверием к источникам информации. В нем ключевой проблемой является дезинформация и пропаганда в свете «фейковых новостей» в некоторых СМИ. В данном разделе результаты представляют достоверность источников информации, по мнению респондентов.

Самый первый вопрос: каким источникам информации респонденты доверяют больше всего? И результаты показали следующее: более 60% опрошенных в Кыргызстане предпочитают телевидение, около 44% информационные/новостные сайты, 40% доверяют газетам, 30% – радио, и немного критики было в отношении других источников (социальных сетей, которые считаются как бы популярными, а к не популярным источникам, вроде газет или радио, было большее доверие). Это указывает на то, что люди выбирают, что читать или смотреть, исходя из предполагаемой достоверности. Следует также отметить, что около 30% ответили «не знаю» применительно к радио, газетам и информационным/новостным веб-сайтам.

Общая закономерность повторяется и здесь при разделении на демографические группы в процентах, так, сельские жители и женщины в целом не доверяют онлайн-источникам информации (новостные сайты, социальные сети и мессенджеры), а также радио по сравнению с городскими жителями и мужчинами. Сельское/городское различие особенно интересно: с учетом теории модернизации городской житель должен меньше доверять вышеперечисленным источникам, чем сельский, но наши результаты показывают обратное. Результаты также показали общий паттерн во всех демографических группах; сложно сказать, когда определенная демографическая группа больше или меньше доверяет источникам информации или существенно отличается от другой группы.

Результаты по Казахстану показывают, что большинство респондентов, около 1/3 (34,1%), не слишком доверяет радио, социальным сетям, информационным/новостным сайтам и мессенджерам; они выбрали вариант ответа «иногда доверяю». Около 1/4 респондентов выбрали вариант «в целом доверяю». В то же время меньшинство выразило полное недоверие любому источнику информации. Наибольший общий процент казахстанцев (55,7%) доверяет телевидению, как и кыргызстанцы, половина их выбрала вариант «не знаю».

Разделение респондентов на сельских и городских также было сделано, чтобы показать точные результаты. Каждая группа «иногда» доверяет всем источникам информации или же «не знает». В процентном соотношении существуют различия между сельскими и городскими группами по шкале доверия; здесь нет какого-либо четкого ответа: они перемещаются на одну точку вверх или вниз в самых выбираемых ответах и сводятся к аналогичному распределению. То же самое касается

ответов мужчин и женщин на данный вопрос. Однако при рассмотрении возрастных групп видны заметные различия. Молодежь (28 лет и младше) больше доверяет социальным сетям, чем пожилые люди; 30% из категории «38 лет и старше» не доверяют социальным сетям. И наоборот, 26,3% молодежи (17–21) не доверяют телевидению. Распределение доверия к мессенджерам несколько равномерно по возрастным группам, и тем более это видно по отношению к телевидению.

Результаты в Таджикистане отличаются от результатов Кыргызстана и Казахстана. За исключением телевидения, большинство не доверяют источникам информации, меньшее количество людей ответили «не знаю». Телевидение является самым популярным источником информации для таджикистанцев, а социальные сети, информационные/новостные сайты и мессенджеры не очень. В источниках новостей интернет заметно выделяется по сравнению с другими вариантами в предпочтениях респондентов Таджикистана. Это еще раз подчеркивает государственную дискурсивную гегемонию в информационном поле, как обсуждалось в предыдущей главе с качественными данными. Менее контролируемые государством источники пользуются меньшим доверием, а более контролируемые государством – большим доверием.

На вопрос, какому источнику информации респонденты доверяют больше всего (Таблица 6), респонденты во всех трех странах указали «популярные СМИ» и информацию из официальных, государственных источников. Однако есть некоторые различия. Большой процент респондентов в Казахстане (48,8%) доверяет информации из официальных, государственных источников, тогда как в Кыргызстане им доверяют 21,4% и в Таджикистане – 24,2% , а на первом месте по доверию – известные СМИ. Информации от знакомых доверяют во всех трех странах (Кыргызстан – 19,1%, Казахстан – 15,8% и Таджикистан – 13,1%), и это говорит о том, что личные отношения и социальные связи занимают важное место в регионе. Более сбалансированное распределение доверия видно в Кыргызстане, где ни один источник информации не пользуется большим доверием, чем остальные. Результаты из Казахстана распределены неравномерно с тремя вариантами ответов («от знакомых», «известные СМИ» и «информация от государственных источников»), занимая более 86%, и четыре варианта с менее чем 14% занимают «определенные веб-сайты» и «институты».

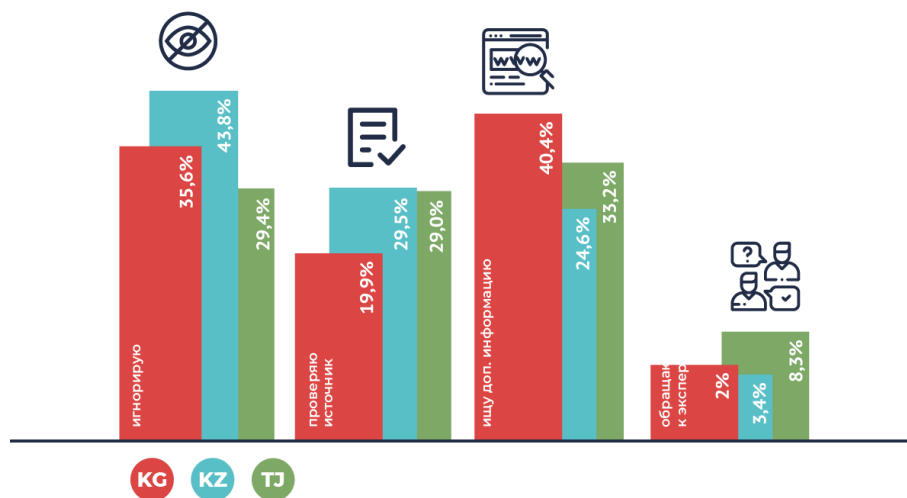
Среди респондентов в Кыргызстане есть четкие различия между городскими и сельскими жителями. Городские жители больше доверяют известным СМИ (28,3% против 20,8% сельских) и официальной информации от государственных источников (26,5% против 14,7% сельских), тогда как сельские жители больше доверяют информации «от знакомых» (22,9% против 16,2% городских) и «от известных/видных людей» (22% против 12,1% городских). Другими словами, для сельских жителей доверительным источником информации может быть информация от известных или уважаемых людей, в то время как для городских жителей достоверной может быть информация из институциональных источников.

В Казахстане, напротив, сельские жители меньше доверяют информации от знакомых, чем городские (9,4% против 20,4%), и выражают больше доверия информации от государственных источников по сравнению с городскими (56,7% против 43,1%); 23% городских и 22,9% сельских жителей доверяют информации, полученной из известных СМИ.

В Таджикистане по этому вопросу результаты расходятся по возрасту. Молодежь (младше 22 лет) больше всего доверяет информации «от знакомых» (19,1%), тогда как респонденты среднего возраста (30-42 года) – всего лишь 7,4%; и эти обе группы меняют свои позиции к известным СМИ – 32,4% молодежь, против 51% – люди среднего возраста (30-42). Для всех возрастных групп в Таджикистане на втором месте по уровню доверия (на первом – известные СМИ) находится официальная информация от государственных источников (20% и более).

На вопрос, что респонденты делают, если информация является недостоверной (**Рисунок 2**), из четырёх возможных вариантов ответов были последовательно выбраны следующие: «я игнорирую», «я проверяю источник», «я ищу дополнительную информацию» и «я спрашиваю экспертов». Респонденты во всех странах ответили «игнорирую» или «ищут дополнительный источник», или «проверяю источник» чаще, чем «спрашиваю у эксперта». В рамках этой схемы таджикистанские респонденты дали равномерное распределение ответов среди всех вариантов, тогда как казахстанцы просто «игнорировали». Большинство респондентов в Казахстане, вероятно, «игнорируют информацию», и большинство в Кыргызстане «предпочитают искать дополнительную информацию».

Рисунок 2. Действия, когда вы сомневаетесь в полученной информации

Следующим был вопрос о доверии различным телеканалам. Список каналов для каждой страны, конечно, был разным и взят из числа национальных каналов. **Таблицы 7.1, 7.2 и 7.3** показывают следующие результаты. Во всех трех странах больше доверия государственным каналам из всех возможных, и на четвертом месте по уровню доверия во всех трех странах стоят российские каналы. Самое высокое доверие в Казахстане – каналу «Казахстан», как указали больше половины респондентов. Эта большая государственная телевизионная корпорация со многими дочерними компаниями, вещающая, в частности, на казахском языке. Второй канал по уровню доверия – КТК, который принадлежит одной из частных телекомпаний в Казахстане.

Примечательно, что сельские респонденты в Казахстане доверяют телеканалам меньше, чем городские. Несмотря на то что список и порядок доверительных каналов одинаковый для обеих

групп, процентные показатели ниже среди сельчан. С учетом того, что сельские жители в Казахстане больше доверяют государственным источникам, чем городские (см. стр. 73), это немного нелогично, и очевидных возможных объяснений у нас нет. Тем не менее это можно объяснить отсутствием понимания принципа работы телевидения. В разделениях по возрасту и полу результаты остаются неизменными.

Таблица 7.1 Доверие к ТВ-каналам.
Казахстан. Выбор возможен до трех вариантов.

	Проценты	Число
Казахстан	51,4%	279
КТК	43,3%	235
Хабар	31,3%	170
Первый канал «Евразия» – на основе российского Первого канала	20,1%	108
Хабар 24	17,7%	96
НТК	12,0%	65
31 Канал	11,0%	60
Казах ТВ	3,9%	21
«Астана ТВ»	2,2%	12
СТВ	1,1%	6

Респонденты в Кыргызстане указали, что де-факто государственный (формально принадлежит государству и управляется независимым директором) канал КТРК является наиболее достоверным источником информации. Несмотря на критику, что КТРК является политическим инструментом в руках властей, он лидирует как самый достоверный источник информации, с большим отрывом от НТС, идущим вторым после КТРК. Список и порядок наиболее достоверных телеканалов в Кыргызстане, как и в Казахстане, практически одинаков среди возрастных групп, городских и сельских жителей, а также мужчин и женщин. Тот факт, что женщины больше доверяют КТРК, чем мужчины, и меньше НТС, является интересным, но эти процентные различия не меняют общую картину: КТРК, НТС и «Ала-Тоо 24» пользуются большим доверием во всех демографических группах.

Таблица 7.2. Доверие к ТВ-каналам.
Кыргызстан. Выбор возможен до трех вариантов.

	Проценты	Число
КТРК	62,0%	361

НТС	31,6%	184
«Ала-Тоо 24»	28,4%	165
Первый канал (ОРТ, Российские телеканалы)	23,0%	134
5 Канал	15,8%	92
РТР 24 (Российский)	8,4%	49
«Эхо Манаса»	4,3%	25
Апрель ТВ	4,0%	23
ЭЛТР	2,7%	16
Ынтымак ТВ	2,6%	15
ОШ ТВ	1,5%	9

В случае с Таджикистаном, где государство полностью контролирует все медийное пространство, список самых популярных телеканалов состоит из всех государственных, хотя даже там четвертое место по уровню доверия занимают российские телеканалы ОРТ, «Россия-24» и другие. Как в Казахстане и Кыргызстане, распределение и уровень доверия телеканалам среди различных демографических групп являются такими же.

Таблица 7.3. Доверие к ТВ-каналам.

Таджикистан. Выбор возможен до трех вариантов.

	Проценты	Число
Таджикистан ТВ	62%	358
«Сафина ТВ»	45,8%	264
«Синамо ТВ»	12,5%	72
Российские каналы: ОРТ, РТР, «Россия 24», НТВ, ТВЦ, РБК, «Рен ТВ», «Звезда»	10,2%	59
«ТВ Жахоннамо»	10,1%	58
ТВ Мезг	5,7%	33
Шахнавоз ТВ (муз канал)	2,8%	16
ТВ Вазриш	2,8%	16
Иностранные каналы: ВВС, «Евро Ньюс»	2,8%	16
ТВ Согд	1%	6
Другие каналы ⁸⁷	2,1%	7

По вопросам о предпочтительных источниках информации, форматах информации часто повторялся один ответ: «информационные/новостные порталы», то есть интернет-сайты информационных агентств. В следующих таблицах (8.1, 8.2 и 8.3) приведены ответы на вопросы, в частности, о доверии источникам информации.

В Казахстане лидирует *Tengrinews.kz* с большим отрывом от остальных по уровню доверия. Примечательно, что шесть самых надежных информационных сайтов – это местные СМИ. Городские жители больше доверяют новостным сайтам, чем сельские.

Таблица 8.1. Доверие к веб-сайтам.

Казахстан. Выбор возможен до трех вариантов.

⁸⁷ См. 1, ТВ Спорт, ТВ Футбол, Gem Series+ho, ТВ 24, ТВ Азия.

	Проценты	Число
Tengrinews.kz	60,4%	310
Informburo.kz	45,0%	231
Zakon.kz	42,7%	219
Karavan.kz	10,5%	54
Nur.kz	2,3%	12
Другие сайты ⁸⁸	5,3%	27

В Кыргызстане, как видно из **Таблицы 8.2**, явным лидером является кыргызский филиал американского «Радио Свобода» *Azattyk.kg* с большим отрывом от остальных, и это прямо повторяет результаты качественного исследования. Эта служба долгое время была популярной и доверяемой в Кыргызстане и часто освещала события беспристрастно и независимо, когда остальные СМИ находились в зависимости или просто закрывались. *Azattyk* не только вещает в интернете, но и по радио и телевидению. За ним следует несколько независимых новостных агентств, и только шестое место занял сайт государственного новостного агентства *Kabar.kg*. Кыргызская версия анкеты включала опцию «я не использую», которая заняла четвертое место в этом списке с более чем 18%. Это повторяет результаты, обсуждаемые выше, где респонденты в Кыргызстане предпочитают социальные сети и мессенджеры в качестве источников информации.

Таблица 8.2. Доверие к веб-сайтам.
Кыргызстан. Выбор возможен до трех вариантов.

	Проценты	Число
Azattyk.org	50,1%	286
Akipress	33,3%	190
24.kg	23,5%	134
«я не использую»	18,4%	105
Knews.kg	13,7%	78
Kabar.kg	8,2%	47
Kloop.kg	7%	40
Другие сайты ⁸⁹	0,7%	4

В Таджикистане по уровню доверия такая же тройка лидеров, как и в Казахстане. Таджикский филиал «Радио Свобода»/*Ozodi.org* на первом месте, как и в Кыргызстане. Вторым идет веб-сайт популярного независимого новостного агентства «Азия-плюс» – *news.tj* – и третьим, идет *somon.tj*. Популярность *Ozodi* и «Азия-Плюс» также была высокой среди респондентов в качественном исследовании.

Таблица 8.3. Доверие к веб-сайтам.
Таджикистан. Выбор возможен до трех вариантов.

	Проценты	Число
--	----------	-------

⁸⁸ Сайт «Эхо Москвы», российские сайты, сайт газеты «Диапазон», *YouTube*.

⁸⁹ *BBC, Google, YouTube, Super.kg, Turmush.kg*.

Ozodi.org	54,16%	241
News.tj	48,31%	215
Somon.tj	37,30%	166
Toptj.com	9,44%	42
Другие веб-сайты ⁹⁰	3,15%	14

Доверие к радиостанциям в каждой из стран показало следующие результаты. 55,9% в Казахстане слушают государственное казахское радио, 39,4% слушают местное отделение российской радиосети «Европа Плюс». 24,1% и 18,5% слушают местные частные радиостанции.

В Кыргызстане 58,9% слушают радио *Azattyk*, 33,6% слушают радио «Европа Плюс», 21,8% слушают местные радиостанции, а 16,3% слушают российские развлекательные станции.

Респонденты из Таджикистана больше всего слушают, как и кыргызстанцы, «Радио Озоди» (25%), а затем местные станции – «Садои Душанбе» и «Радио Азия Плюс» (20,6% и 20%).

Если взглянуть на доверие источникам информации во всех трех странах, то видны некоторые общие результаты. Во-первых, респонденты в Кыргызстане меньше сомневаются в имеющихся разных источниках информации и соответственно доверяют им больше. Казахстанцы доверяют большинству источников информации средне, в то время как таджикистанцы доверяют меньше всех. При этом во всех странах наблюдается большее доверие к телевизионным программам, чем к другим источникам, а также к официальному источнику информации от государства.

Телеканалы пользуются большим доверием среди всех респондентов, затем информационные сайты, а радиостанции на последнем месте. Государственные телеканалы пользуются наибольшим доверием во всех странах; среди независимых агентств – филиалы «Радио Свобода» в Кыргызстане и Таджикистане; среди радиостанций самыми популярными оказались развлекательные, причем российские, а кыргызская и таджикская версии «Радио Свобода» снова оказались самыми популярными.

В дополнение к вышеприведенным СМИ источник информации «от знакомых» является доверительным во всех трех странах.

Показатели доверия к источникам информации во всех трех странах отражаются последовательно и различаются по демографическим группам.

Результаты доверия к источникам информации совпадают с анализом глубинных интервью во второй главе. Те источники, что были указаны как более-менее доверительные в опросах трех стран, а также ответы по доверию официальному источнику информации, с одной стороны, и независимой онлайн-информации, с другой, совпадают с выводами из качественного исследования выше.

⁹⁰ *Islam.ru, Khovar.tj, Lenta.ru, Inosmi.ru, Sports.ru, Ахбор.тj, Vesti.ru, 1tv.ru.*

Использование социальных сетей и мессенджеров

В данном разделе были рассмотрены социальные сети и мессенджеры во всех трех странах. С точки зрения их использования и популярности они уже рассматривались в качестве важных информационных источников в разделах выше, особенно в Кыргызстане и в Казахстане. Социальные сети и мессенджеры занимают видное место в анализе информационных источников в исследованиях о радикализации, что делает их еще более значимыми для настоящего исследования. Следующие рисунки отражают результаты более детального изучения данного сегмента.

Рисунок 3 ниже представляет процент пользования самых популярных социальных сетей в каждой стране. Как показывает общая картина, во всех трех странах YouTube и Instagram самые популярные, затем идут ВКонтакте, Facebook и «Одноклассники» и самым последним Twitter. Тем не менее различия между странами присутствуют. Казахстанцы являются самыми активными пользователями социальных сетей, а таджикистанцы – пассивными⁹¹. Еще одно примечательное различие: казахстанцы пользуются «ВКонтакте» больше, чем кыргызстанцы и таджикистанцы, которые пользуются меньше всех.

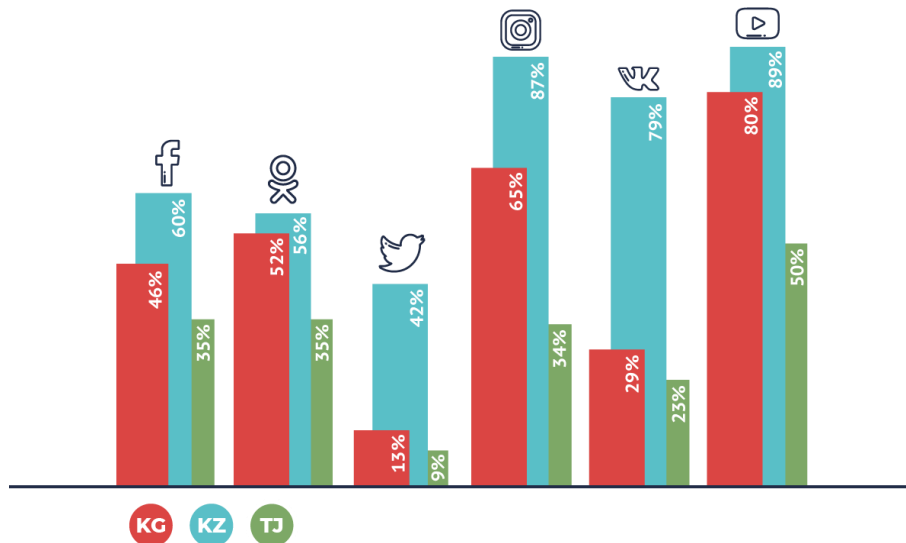
Различные демографические группы отражают закономерность на общенациональных совокупных уровнях, но процент использования социальных сетей и мессенджеров несколько отличается: в Кыргызстане респонденты из села меньше пользуются *YouTube*, в Казахстане и Кыргызстане женщины больше пользуются *Instagram*; во всех странах молодежь больше всех пользуется социальными сетями.

Процент респондентов, ответивших «я не пользуюсь социальными сетями», является самым высоким во всех странах среди пожилых групп.

Рисунок 3. Распределение пользования социальными сетями во всех трех странах.

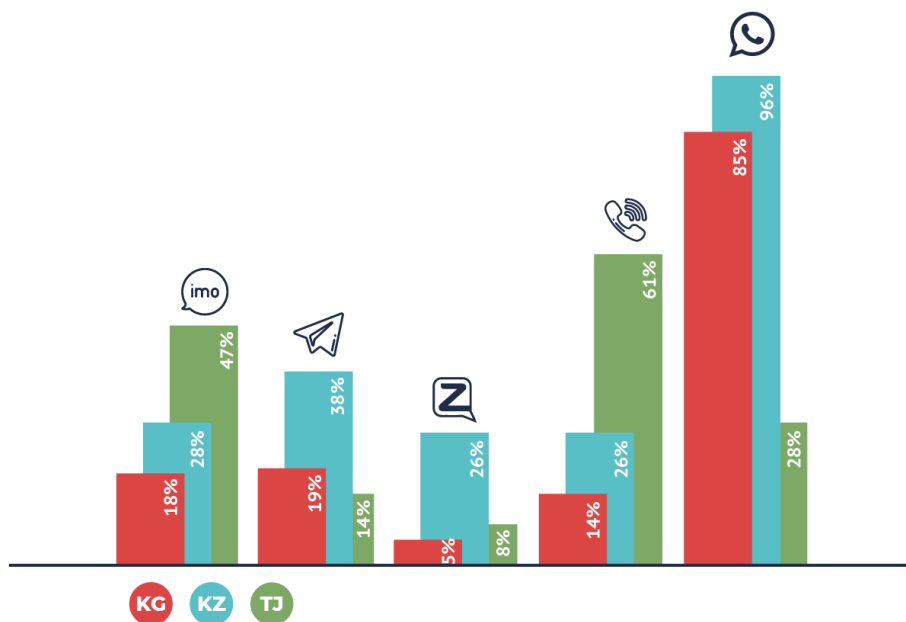
Проценты округлены.

⁹¹ Доступ к интернету, особенно к социальным сетям, может быть предметом государственных ограничений, таких как закрытие *Facebook* в Таджикистане и в меньшей мере в Казахстане. Факторы таких обстоятельств неизвестны, но некоторые данные могут отражать такие ограничения.

Мессенджеры – еще одна категория коммуникационных и информационных онлайн-каналов, которая становится все более популярной. Как видно из **Рисунка 4**, здесь не существует общерегиональной модели, как это было с социальными сетями; казахстанцы и кыргызстанцы имеют общую тенденцию (со значительной разницей в процентах), в то время как таджикистанцы имеют другие предпочтения. *WhatsApp* на сегодняшний день является популярным мессенджером для казахстанцев и кыргызстанцев, а для таджикистанцев такими являются *Viber* и *Imo*.

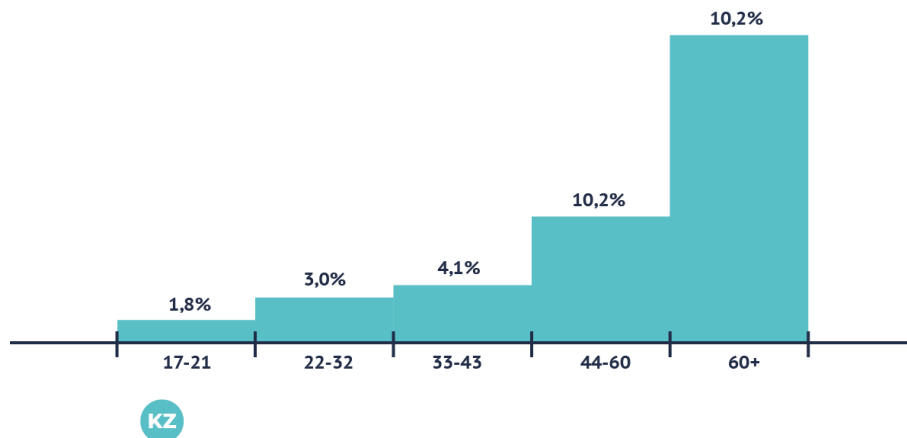
Рисунок 4. Распределение мессенджеров. Проценты округлены.

Учитывая широкое распространение *WhatsApp* в Казахстане – 96% среди респондентов, было интересно узнать, как это использование распределяется по возрастным группам. Как показано на

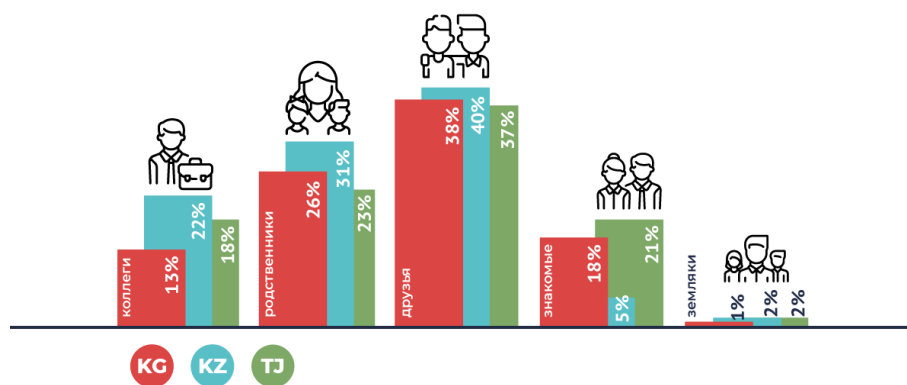
Рисунке 5, очень малое число молодых людей не используют *WhatsApp*, и линия регрессии непользователей резко возрастает только среди самой старшей группы – старше 60 лет.

Рисунок 5. Непользователи *WhatsApp* по возрастным группам. Пример Казахстана.

Поскольку мессенджеры в основном используются для общения, а не для получения информации, было интересно узнать, с кем пользователи обычно общаются. Рисунок 6 дает на это ответы. Два наиболее часто встречающихся ответа во всех трех странах были: «друзья» и «родственники». Респонденты в Таджикистане общаются со «знакомыми» значительно чаще, чем в Кыргызстане и в Казахстане, а респонденты в Казахстане и Таджикистане общаются с «коллегами» чаще, чем в Кыргызстане.

Графа 6. С кем вы больше всего общаетесь по мессенджеру?
Возможны другие варианты ответов.

Существуют различия в том, с кем респонденты общаются при распределении по демографическим группам. Во всех странах (с небольшими различиями в Казахстане) сельские жители и женщины назвали «родственники» как наиболее подходящий ответ, а городские жители и мужчины отметили «друзья». Среди возрастных групп молодежь (17–21 год) больше общается с друзьями и знакомыми, тогда как пожилые люди одинаково общаются с родственниками, друзьями и коллегами.

Мессенджеры используются главным образом для связи, социальные сети – для получения информации. Что касается социальных сетей, интересным является то, какую информацию респонденты ищут при их использовании. Развлечения, политика, здравоохранение и спорт, работа – были основными вариантами ответов. Категория «другие» была представлена с небольшими вариациями в трех версиях анкеты, но религия была включена во всех трех. Этот вариант был последним в списке для каждой страны.

Из этих предпочтений среди респондентов во всех трех республиках политика больше интересна для мужчин и пожилых возрастных групп, тогда как развлечения интересны для молодых респондентов и женщин. Здоровье интереснее для женщин и пожилых групп, но спорт интереснее для мужчин во всех сегментах. Здоровье представляет особый интерес для опрошенных в Кыргызстане. Но стоит иметь в виду, что эти различия имеют относительный характер, и общий список наиболее предпочтительных тем – развлечения, спорт, политика и здоровье – остается неизменным в разных категориях.

Рассматривая модели использования социальных сетей и мессенджеров, можно сделать несколько выводов. Прежде всего, оба типа информационных каналов широко распространены среди опрошенных всех трех стран. Респонденты в Таджикистане меньше пользуются обоими видами услуг, однако половина из них пользуется хотя бы одним видом социальных сетей (*YouTube*, **Рисунок 3**), и более 60% из них пользуются хотя бы одной службой мессенджера (*Viber*, **Рисунок 4**). Принимая во внимание то, что большинство респондентов в каждой национальной выборке были молодыми (см.: демография) и активными пользователями *WhatsApp* в **Рисунке 5**, можно предположить, что большая часть молодых людей во всех трех республиках использует социальные сети и мессенджеры.

Таким образом, социальные сети и мессенджеры являются популярными и мощными каналами связи среди опрошенной молодежи всех трех стран. Респонденты в Казахстане являются активными пользователями обоих типов инструментов, таких как *YouTube*, *Instagram*, *ВКонтакте* и *Facebook*, а *WhatsApp* – это почти универсально используемый мессенджер, за которым следует *Telegram*. В Кыргызстане популярными социальными сетями являются *YouTube* и *Instagram*, за ними следуют «*Одноклассники*» и *Facebook*; самый популярный мессенджер – это *WhatsApp*, за которым следуют *Telegram* и *Imo*. Среди пользователей в Таджикистане менее популярными являются *YouTube*, *Instagram*, *Facebook*, а «*Одноклассники*» – более популярными. *Viber* и *Imo* являются более предпочитаемыми мессенджерами, а *WhatsApp* – менее.

Интерес к информации религиозного характера

Последний набор вопросов был связан со способами потребления информации религиозного характера среди респондентов. Эти вопросы были включены, так как большинство анализов радикализма и экстремистских идей постоянно отмечают каналы и контент религиозного толка. Результаты, полученные по этим вопросам, дают ценные и конкретные ответы об информационных потоках и источниках информации. Этот раздел является последним из-за его чувствительности, особенно с учетом некоторых недавних событий в публичном пространстве, которые сделали тему

религии еще чувствительнее, и некоторые выводы, возможно, потребуются читать с большой осторожностью.

На основной вопрос о том, интересуется ли респондент информацией религиозного характера, ответы в трех странах выявили некоторые существенные различия, как показано в [Рисунке 7](#). Наибольший процент респондентов, заинтересованных в такой информации, был в Кыргызстане – 58,6%, немного ниже в Таджикистане, около 50%. Гораздо меньше интереса к информации религиозного характера у респондентов в Казахстане – 19%. Это интересное открытие для нас, так как почти 75% респондентов в Казахстане заявили, что их не интересует такого рода информация. Это может быть отчасти объяснено тем, что Казахстан всегда был менее религиозным по сравнению с соседями, несмотря на наблюдаемый быстрый рост людей, практикующих религию⁹². Тот факт, что респонденты в Кыргызстане проявляют наибольший интерес к информации религиозного толка, может быть объяснен тем, что публичное пространство для религии здесь является более открытым и доступным. Отсутствие таких условий в Таджикистане может объяснить, почему в этом традиционно религиозном обществе респонденты равномерно распределились на заинтересованных и незаинтересованных в такой информации.

Респондентов, которые выразили интерес к информации религиозного характера, спросили, где они в основном берут такую информацию, предложив варианты ответов: интернет, религиозные деятели, литература, практикующие мусульмане, книги, средства массовой информации, распространяемая литература в жилых районах, а также «я не интересуюсь такой информацией» и «не знаю». Ответы показали, что интернет является самым популярным источником в Казахстане (30,7%) и Кыргызстане (48,6%), но в то же время в Казахстане среди небольшого числа респондентов, ответивших на этот вопрос, ответы были достаточно равномерно распределены по заданным вариантам. Интернет в Кыргызстане является наиболее популярным почти среди половины респондентов по поиску информации религиозного характера. Это доверие к интернету продолжает тенденцию, наблюдаемую среди кыргызстанцев в отношении других источников информации.

В Таджикистане интернет по популярности стоит на пятом месте в качестве источника информации религиозного толка (19,9%). Это может объясняться ограниченным доступом к интернету. В Казахстане популярность этого источника может быть объяснена небольшим количеством людей, которые даже сообщили, что они заинтересованы в информации религиозного характера, где в последнее время также контролируется интернет. Помимо интернета, во всех трех странах религиозные лидеры и люди, практикующие религию, являются двумя другими наиболее предпочтительными источниками информации о религии.

Для респондентов в Таджикистане книги являются наиболее предпочтительным источником информации (45,3%), и это несколько любопытно, учитывая снижение интереса к чтению книг в регионе и то, что публикация книг по религиозным вопросам на местных языках не очень-то развита. Этот результат подтверждается анализом глубинного интервью, который указывает, что многие

⁹² Например, смотрите про Жунисбай в работе Ларуэль, 2018 г.

респонденты в Таджикистане обращаются к книгам для информации религиозного толка больше, чем это делают респонденты в Казахстане и Кыргызстане.

В этом разделе также стоит отметить некоторые демографические особенности. Варианты получения информации из литературы, распространяемой в местах религиозных обрядов и общения с религиозными лидерами, больше распространены среди мужчин, чем среди женщин. В Центральной Азии женщины обычно не посещают мечети, а религиозные лидеры и проповедники в основном мужчины, которые также обычно менее доступны для женской аудитории. В Казахстане и Таджикистане возможность использования литературы из мест религиозных обрядов более популярна среди сельских жителей, тогда как в Кыргызстане более популярна среди городских жителей. Последнее интересно, но не слишком удивительно в контексте продолжающихся дискуссий о том, что в стране «больше мечетей, чем школ», а посещение мечетей никем не ограничено (в отличие от Таджикистана). Таким образом, в Кыргызстане городские жители имеют полный доступ к мечетям, тогда как в Казахстане и Таджикистане, по-видимому, такая практика остается скорее сельской. Что характерно, молодежь в возрасте 17-21 года свободна в посещении мечетей и показывает самый высокий процент чтения религиозной литературы (по сравнению с другими возрастными группами). Молодые люди заявляют, что источником информации религиозного толка для них является «литература из мест культовых обрядов». В Таджикистане, наоборот, молодежь менее интересуется информацией религиозного характера.

Религиозные лидеры – проповедники, клерикалы, имамы и т. д. – являются одним из наиболее предпочтительных источников информации во всех трех странах, что четко прослеживается в качественном исследовании во второй главе. Поэтому стоит более подробно изучить этот аспект. На вопрос, является ли слушание проповедей/лекций обычным делом, респонденты из трех стран ответили в основном в соответствии с их ответами на предыдущие вопросы. А именно: почти 66% респондентов в Казахстане ответили, что слушают проповеди нерегулярно, тогда как в Кыргызстане 34,1% только отметили, что слушают нерегулярно. Очень маленький процент таджикистанцев (12,6%) ответили, что слушают такие проповеди/лекции онлайн (в соответствии с низкой популярностью интернета в качестве источника, как отмечалось выше), в отличие от гораздо более высокого процента респондентов в Кыргызстане, отвечающих так же (около 32%).

Таблица 14. Часто ли вы слушаете проповедников?

	КЗ	КГ	ТЖ
Да, онлайн	9,5%	31,7%	12,6%
Да, в культовых местах	20%	22,8%	28,5%
Нет	65,9%	34,1%	56,2%
Не могу ответить	4,6%	12,5%	1,6%
Другое	0,3%	1,6%	0,7%
Да, на DVD	0%	0%	2,1%
Всего	100%	100%	100%

Как и ожидалось, женщины во всех странах (но в Казахстане незначительно) сообщили «да, в культовых местах», по сравнению с мужчинами, но в других ответах не было заметных различий между группами, особенно между городскими и сельскими респондентами.

С учетом того, что кыргызстанцы в основном слушают лекции и проповеди через интернет, было интересно узнать, как этот показатель делится по возрастным группам. Как видно из **Таблицы 15**, молодежь в возрасте до 30 лет значительно чаще обращается к интернету для доступа к таким материалам, около 40% среди остальных групп молодежи. Напротив, самая пожилая группа респондентов менее заинтересована в онлайн-доступе к таким материалам и нерегулярно слушает проповедников по сравнению с другими возрастными группами.

Таблица 15. Часто ли вы слушаете проповедников?
Разделение по возрастным группам в Кыргызстане.

	17-19	20 – 23	24 – 31	32 – 42	43+
Да, онлайн	41,0%	36,9%	40,7%	23,9%	15,7%
Да, в культовых местах	23,0%	20,7%	21,2%	22,9%	23,5%
Нет	32,0%	35,1%	26,5%	33,9%	44,1%
Не могу ответить	4,1%	10,8%	14,2%	18,3%	16,7%
Другое	2,5%	0%	0%	1,8%	2,9%

Проповедники являются популярными и широко обсуждаемыми фигурами в государственных стратегиях регулирования религиозной сферы. При правильном участии они могут оказаться одними из наиболее эффективных коммуникаторов умеренных и конструктивных религиозных взглядов и религиозного образования как одного из способов противодействия экстремизму. Это систематически подчеркиваемый момент в глубинных интервью, особенно в Казахстане и Кыргызстане, где имена нескольких видных проповедников-клерикалов повторяются как среди респондентов, так и среди экспертов. В связи с этим интересно узнать, оцениваются ли личные характеристики проповедников – объективные или предполагаемые – большинством респондентов. На этот вопрос ответ был очевиден во всех трех странах: «поучительный» тип священнослужителей понравился больше всего (более 70% во всех трех странах). В то время как «артистичный» тип был вторым (Таджикистан – 24,6%, Кыргызстан – 9,2% и Казахстан – 19,4%), более заметным результатом стало то, что «проповеднический» тип был третьим (с большим отрывом в Казахстане – 3% и Таджикистане – 3,8%) что наводит на мысль о том, какой стиль и характеристики религиозной информации и назидания респонденты ищут больше всего.

Последний пункт подкреплен ответами на вопрос о темах проповедей, которые предпочитают слушать респонденты. В **Таблице 17** дан список наиболее популярных тем по странам – во всех трех проповедях о семейных вопросах, о хороших манерах и поведении были две почти одинаково популярные. Примечательно, что проповеди о религии и вере были лишь третьими в Казахстане и Таджикистане (хотя они были популярными в Таджикистане как абсолютный процент: 36,4% респондентов, заинтересованных в религиозной информации, отметили этот вариант) и даже четвертым в Кыргызстане. Эти ответы позволяют предположить, что большинство людей,

интересующихся религией, такую информацию чаще всего ищут в качестве источника ответов на вопросы, возникающие в трудные периоды жизни и в повседневных ситуациях, а не проповеди для изучения религиозных догм. Этот вывод, опять же, согласуется с выводом выше (Таблица 16) об относительной незаинтересованности респондентов в священнослужителях-проповедниках. Это же наблюдение также соответствует тому, что наблюдалось в качественном исследовании, о котором сообщалось во второй главе, особенно в Казахстане и Кыргызстане, где многие приветствовали распространение религиозной практики в целях улучшения поведения людей.

Таблица 17. Предпочтения по темам проповеди.

	КЗ	КГ	ТЖ
Семья	42,5%	48,0%	48,6%
Хорошие манеры	39%	52,5%	44,5%
Здоровье	17%	22,8%	23,9%
Вера/религия	19,5%	15,8%	36,4%
Образование	4%	8,7%	14,2%
Другое	2,5%	0,2%	0%
Всего	100.0%	100.0%	100.0%

Принимая во внимание результаты, касающиеся религиозной информации, можно сделать ряд общих выводов. Эти выводы особенно актуальны здесь, потому что они четко связаны и подтверждают наблюдения качественного компонента. Таким образом, среди опрошенных в Казахстане наблюдается меньший интерес к религиозной тематике и значительный уровень такого интереса для респондентов в Кыргызстане и Таджикистане. Тем не менее респонденты в Кыргызстане ищут религиозную информацию прежде всего через интернет (видеоисточники), в то время как таджикистанские респонденты обходят интернет в пользу как минимум четырех других альтернативных источников. Среди этих альтернативных источников для заинтересованных респондентов во всех трех странах два самых популярных источника – это религиозные лидеры/клерикалы/проповедники и люди, исповедующие религию. Иными словами, либо известные религиозные люди, либо люди, которых знают респонденты и которые осведомлены, по их мнению, в религиозных вопросах. Когда выяснилось, какие дальнейшие предпочтения были у респондентов в отношении проповедников и тем их проповедей, в обоих случаях ответы во всех трех странах показали, что люди в основном заинтересованы в религии как духовном руководстве и, возможно, поддержке во время жизненных трудностей, но не как в богословии или религиозной доктрине.

Все это – результаты настоящего исследования. Одна из основных движущих сил экстремистских идей, как считают большинство респондентов в качественных исследованиях во всех трех странах, заключается в плохом знании или понимании религии, и, соответственно, они считают, что необходима лучшая информация о религии и ее преподавание в рамках предотвращения насильственного экстремизма. Более того, в качестве ресурса для укрепления религиозных знаний и для П/ПНЭ многие респонденты в Казахстане и Кыргызстане хотят видеть большую общественную роль для умеренных и уважаемых имамов и проповедников. Результаты опроса, представленные

здесь, дают более точные данные об этих идеях. Таким образом, интернет является важным источником религиозной информации во всех странах, особенно для молодых возрастных групп. Выдающиеся религиозные лидеры востребованы в Казахстане и особенно в Кыргызстане. Предпочтение, отдаваемое интернету как источнику, вероятно, все еще будет относиться к видеолекциям этих лидеров. Популярность проповедников, установленная в качественных интервью, дополнительно указывается в опросах, где самыми популярными темами проповедей во всех трех странах были темы о семье и хорошем поведении (гораздо более популярные, чем религиозная доктрина), и, безусловно, самый популярный тип среди проповедников был «нравоучительный» (а «проповедующий» тип был третьим). В Таджикистане, в соответствии с подробными результатами интервью, наиболее популярным источником религиозной информации являются книги, особенно вместе с литературой, взятой из культовых мест.

В связи с этим последним разделом необходимо иметь в виду только одно: надо тщательно читать результаты исследования. Религия и поиск информации являются деликатными вопросами для респондентов, особенно в Таджикистане. Поэтому возможно, что некоторые ответы могут включать самоцензуру респондентов на определенном уровне, особенно когда они говорят об интернете и онлайн-ресурсах, используемых для этих целей. Некоторый уровень достоверности всех ответов подтверждается тем фактом, что только респонденты, интересующиеся религией, ответили на остальные вопросы о религии. Но это вводит другое ограничение – тот факт, что размеры выборок, отвечающих на вопросы в этом разделе, становятся значительно меньше.

Выводы по результатам опроса

Результаты опросов в трех странах позволяют сделать ряд интересных наблюдений. Такие наблюдения, в частности, предоставляют дополнительные конкретные детали к наблюдениям, сделанным в качественном исследовании. Почти все аспекты основных результатов исследования интервью, представленные во второй главе, нашли подтверждающие результаты в опросах. Как правило, сравнительные описания трех стран – Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана – как представляющих режимы умеренной дискурсивной гегемонии, средней и слабой, также различимы в результатах опросов.

- Респонденты в Кыргызстане чувствуют себя наиболее открытыми для использования интернета в качестве источника информации, посещения мечетей и прослушивания проповедей, доверяя как независимым, так и государственным информационным агентствам.
- Респонденты в Таджикистане в основном доверяют и используют контролируемую государством информацию и меньше всего предпочитают интернет-источники информации и коммуникации, предпочитая печатные материалы.
- Респонденты в Казахстане обычно выбирают между вышеупомянутыми источниками, но несколько ближе к моделям в Кыргызстане.

Но результаты опроса, конечно, выходят за рамки простого подтверждения наблюдений качественного исследования. Как и предполагалось при проведении опросов, были получены более

конкретные, точные и подробные данные по актуальным вопросам в разных странах и демографических группах. Можно сделать общий вывод из сравнительного анализа результатов. Наиболее четкие и наиболее важные различия по большинству вопросов обнаруживаются в трех странах в их совокупных результатах. Различия заключаются в том, как респонденты выбирали, доверяли или использовали различные информационные ресурсы, были наиболее очевидными в разных странах, а не в разных демографических группах. После того как результаты по странам были разъединены по демографическим подгруппам, наиболее очевидные и интересные различия проявились среди возрастных групп, выяснилось, как реагируют молодые респонденты по сравнению с пожилыми. Когда выборки разбиты по сельским и городским респондентам, а также по мужчинам и женщинам, различия в ответах по этим параметрам, которые, безусловно, существуют, гораздо менее ясны, неоднозначны и, как правило, не предполагают существенных различий между странами. Несмотря на то что сельские и городские респонденты доверяют источнику информации с разным процентом или мужчины и женщины проявляют разные уровни предпочтения к информационным инструментам, такие различия в основном заканчиваются различием в степени, а не в содержании. Как отмечалось в разделе «Методология», перекрестный анализ, охватывающий род занятий, географическую разбивку и уровень образования, не проводился, учитывая, что по этим переменным сравнительно скромные выборки из 600 или менее (например, по вопросам религиозной информации) будут разбиты на слишком маленькие группы, что делает такой анализ недостоверным.

Некоторые более конкретные результаты могут быть взяты из раздела «Резюме» выше.

В целом во всех трех странах телевидение остается самым популярным и вызывающим наибольшее доверие источником информации. Большая часть телезрителей смотрит новости во всех трех странах, а ток-шоу являются вторыми по популярности. Кроме того, при изучении вопроса о предпочтениях к телевизионным каналам все три страны демонстрируют наибольшее доверие к государственным телеканалам. Эти наблюдения относятся ко всем демографическим группам: мужчинам/женщинам, городским/сельским и по возрастным группам. Некоторые опрошенные эксперты во всех странах подчеркнули необходимость усиления роли телевидения в усилиях по П/ПНЭ. Результаты опросов убедительно подтверждают это предположение: телевидение действительно является потенциально эффективным каналом для такой работы. Конечно, данный факт усложняется, когда государства, которые доминируют в сфере телевидения, как в Таджикистане, не полностью вовлечены в такие усилия. Но как свидетельствуют многочисленные интервью и кабинетные исследования, все государства, включая Узбекистан, были заинтересованы и даже вкладывали средства в создание П/ПНЭ на телевидении.

Тем не менее популярность телевидения среди респондентов Казахстана почти догнала социальные сети и даже превзошла популярность его в Кыргызстане. Использование социальных сетей и мессенджеров в сочетании с онлайн-сайтами/порталами в качестве источников информации указывает на то, что онлайн-доступ к информации стал доверительным, а иногда даже наиболее распространенным способом доступа к информации, особенно среди молодых респондентов во всех странах. Если восприятие большинства респондентов в опросах, а также данные многих предыдущих исследований верны в отношении того, что молодежь особенно уязвима, то

присутствие молодых людей в интернете будет не только каналом распространения радикальных сообщений, но и каналом контрнарративов и коммуникаций П/ПНЭ в целом.

С точки зрения использования социальных сетей и мессенджеров явным лидером среди всех трех групп респондентов является YouTube. Это может быть объяснено тем, что этот ресурс не требует подписки для простого просмотра видео, что часто является достаточным для пользования. Как говорилось в ряде глубинных интервью (но, к сожалению, в опросах это не указано), YouTube также является важным местом поиска религиозной информации. В целом респонденты в Казахстане были самыми активными пользователями как социальных сетей, так и мессенджеров, тогда как в Таджикистане они были наименее активными в обоих отношениях.

Очень важной проблемой в понимании потребления информации в целом и при разработке материалов П/ПНЭ является проблема доверия к информации. Чем более критически пользователь информации относится к контенту и способен сказать, что заслуживает доверия, а что нет, тем ниже вероятность радикализации этого человека посредством экстремистских сообщений.

В связи с этим респонденты в опросах показали расходящуюся закономерность. Что касается доверия к информации, респонденты в Таджикистане оказались менее доверяющими любому источнику информации, а сельские жители (по сравнению с городскими) продемонстрировали еще более низкий процент доверия к онлайн-источникам информации. Респонденты в Казахстане оказались доверяющими большинству источников, а кыргызстанцы демонстрировали различный уровень доверия к разным источникам, но чаще были открыты для доверия конкретным источникам информации. Эти результаты были очень похожи на модели доверия к информации, наблюдаемые в качественном исследовании, во второй главе.

Тем не менее, когда респондентов спросили, какой вид информации заслуживает большего доверия, во всех трех странах было сильное доверие к популярным СМИ (большая часть в Кыргызстане и Таджикистане) и официальной информации из государственных СМИ (большая часть в Казахстане). Относительно высокое доверие к официальной информации неудивительно – «официальный» часто рассматривается как синоним «истинного» в постсоветской Центральной Азии, но сравнительно сильное доверие к популярным СМИ является многообещающим признаком для потенциального продуктивного П/ПНЭ в этой сфере. Эта закономерность подтверждается и в глубинных интервью, в которых многие респонденты определили несколько популярных средств массовой информации в каждой стране.

Ответы на вопросы, касающиеся информации религиозного толка, показали, что ведущие религиозные лидеры (Казахстан и Кыргызстан) и книги (Таджикистан) были одними из главных источников такой информации, но значительное количество респондентов во всех странах (особенно в Казахстане) ответили, что не заинтересованы в такой информации вообще. Последнее может указывать на ощущение небезопасности, которое многие люди испытывают, заявляя о своем интересе к религии, – это не подтверждается глубинными интервью в Казахстане, но в Таджикистане это указывает на цензуру.

Из второй главы стало ясно, что в Казахстане и Кыргызстане (немного в Таджикистане) некоторые видные религиозные деятели популярны – их лекции и проповеди часто упоминались. На вопрос, лекции на какие темы хотели бы вы услышать, респонденты во всех трех странах дали похожий ответ: на темы, касающиеся семьи, хороших манер и поведения. Слушание лекций по вопросам религии и веры было третьим предпочтением для респондентов в Казахстане и Таджикистане и четвертым для респондентов в Кыргызстане.

Эти последние наблюдения четко связаны с наблюдениями из глубинных интервью в предыдущей главе, особенно в Казахстане и Кыргызстане. Среди опрошенных, не экспертов, преобладает положительное отношение к тому факту, что в последние годы все больше людей обращаются к религии, и они обосновывают это ее положительным влиянием на поведение людей. Ни один из респондентов не подчеркнул, что изучение правильной религиозной доктрины является особенно важным. Это также подтверждает популярность лекций проповедников.

В целом опросы в трех странах подтверждают наблюдения по использованию информации и доверия к ней, которые были получены в качественном исследовании. Анкеты не включали вопросы о радикализации и насильственном экстремизме, а также о движущих силах в интересах более точного фокуса на каналах информации и на доверии источникам информации, а также потому, что вопросы о РНЭ были бы особенно трудными для получения честных ответов посредством опроса.

Заключение по отчету и рекомендации

Заключение

Каковы информационные экосистемы в Центральной Азии и как они могут освещать работу по предотвращению насильственного экстремизма в каждой стране? На основании результатов кабинетного исследования, глубинных интервью и опросов, представленных выше, будущие усилия в области П/ПНЭ могут опираться на ряд интересных выводов.

Во-первых, необходимо рассмотреть роль государства в этой области в каждой стране, поскольку она во многом определяет информационные экосистемы и объясняет различия между странами. В связи с этим в докладе предлагается рассматривать режимы Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана с точки зрения дискурсивной гегемонии, слабой, умеренной или сильной и еще сильнее – в Узбекистане и Туркменистане по уровню дискурсивной гегемонии в публичном дискурсе. Это означает уровень силы государства, насколько оно определяет свободу или ограничивает людей в обсуждении чувствительных вопросов, таких как радикализация и экстремизм, а также государственную политику.

Движущие силы экстремистских идей в Центральной Азии, очевидно, многочисленны и различны. В некоторых предыдущих исследованиях уже подчеркивалось, что ни один фактор или движущая сила не могут быть ответственными за радикализацию в стране, в регионе и даже в индивидуальном случае. Такие движущие силы работают согласованно и взаимодействуют друг с другом сложным образом, способствуя радикализации и принятию насильственных экстремистских взглядов. В данном исследовании некоторые из наиболее часто упоминаемых факторов экстремизма были:

плохое знание или понимание религии⁹³, экономические факторы, такие как безработица и бедность, и – особенно в Кыргызстане – политические факторы, такие как дискриминация и несправедливое обращение со стороны правоохранительных органов. Во всех странах в основном из-за плохого религиозного понимания респонденты считали, что идеологические мотивы побуждают людей к радикализации.

Облегчающим фактором, который систематически наблюдался почти во всех приведенных случаях реальной радикализации и объединения в экстремистские группировки, был фактор личных связей. Чаще всего члены семьи и друзья и, как правило, знакомые, о которых идет речь, имеют решающее значение для вовлечения людей в радикализацию. Трудовая миграция и гендер, способствующие развитию РНЭ, хоть и много обсуждались в различных предыдущих исследованиях, в настоящем не обратили на себя особого внимания. Ни в интервью, ни в ответах о трудовых мигрантах и женщинах, ни о том, что, по мнению респондентов, подталкивает людей к радикализации, эти категории не указаны как уязвимые для радикализации. Молодежь, с другой стороны, часто упоминалась как группа риска, потому что респонденты считали, что молодые люди наиболее подвержены воздействию вышеупомянутых крупных структурных факторов. Лишь изредка и систематически подчеркивалось, что интернет и связанные с ним источники информации (социальные сети, мессенджеры, Google и т. д. и смартфоны с доступом к интернету) являлись основным фактором радикализации, когда радикализация идет в виде роликов и других материалов, передаваемых завербованным лицам по различным каналам интернет-коммуникации.

То, как рассматривается интернет и средства доступа к нему, связано с вопросом о соответствующих информационных потоках. Как правило, во всех странах, за исключением Кыргызстана, государство играет сильную роль в информационных потоках, будь то утвержденная государством информация, контролируемые каналы информации или просто информация для публикации, подлежащая цензуре. Последний пункт упоминался в ряде интервью в качестве причины, по которой многие СМИ не хотели регулярно публиковать П/ПНЭ. В опросах, посвященных предпочтениям в использовании информации, во всех трех странах наблюдается определенный уровень скептицизма в отношении информации, передаваемой в социальных сетях, в интернете и даже в мессенджерах. Респонденты в Таджикистане в целом выявили больше сомнений в отношении информации в интернете, хотя молодые респонденты были более открыты, чем пожилые. В Кыргызстане респонденты были более склонны к интернету в целом и в частности к социальным сетям для поиска информации. Отношение к онлайн-информации может отражать ограничения на такую информацию, появившуюся за последние пару лет в Центральной Азии. Например, «лайк» к неправильному посту может привести к неприятностям, как сказал респондент в Таджикистане. Однако, несмотря на заявленный скептицизм по отношению к источникам информации в интернете, в трех странах, где проводились тщательные исследования, было несколько онлайн-агентств, которые были очень популярны.

⁹³ В этом исследовании, как было признано с самого начала, религия считается первостепенной в понимании радикализации и насильственного экстремизма: радикализация не обязательно должна быть религиозной, но то, что религия систематически вовлечена в РНЭ, слишком очевидная истина, и она является частью того, как люди – респонденты в этом исследовании – понимают РНЭ.

Помимо общих информационных потоков, существуют каналы с контентом религиозного толка, характерные для каждой страны. Кроме интернета, используемого для информации во всех странах, в Казахстане и Кыргызстане эти источники включают популярные СМИ – телевидение и интернет, специализирующиеся на религиозных образовательных программах и показывающие известных религиозных деятелей, чьи лекции и проповеди были востребованы, в прямом эфире или в интернете, записи размещены онлайн. Кроме того, информация о религии, полученная в культовых местах, была значимой в основном для мужчин во всех странах и особенно в Кыргызстане. Религию также изучают по книгам и другим печатным материалам, особенно среди респондентов в Таджикистане.

Информация о религии, доступная из всех вышеперечисленных источников, была достоверной, с разным уровнем предпочтения одних источников другим. В более общем смысле надежные источники информации включают официальную информацию и информацию, передаваемую через контролируемые государством СМИ, такие как телевидение и газеты в Таджикистане, а также информацию из некоторых независимых СМИ, таких как «Азаттык» в Кыргызстане и «Озоди» в Таджикистане. Хотя такие предпочтения могут быть установлены из сочетания различных преобладающих ответов в глубинных интервью и в результатах опросов, критическая информационная грамотность и способы потребления не были сильными ни в одной стране. В Казахстане и особенно в Таджикистане скептицизм в отношении информации в основном из независимых источников был очевиден среди большого числа респондентов, но такое отношение, по-видимому, не приводило к способам перекрестной проверки или другим способам активного критического анализа, оценки или потребления информации.

Учитывая вышесказанное и принимая во внимание различия в уровне дискурсивной гегемонии между странами, вопрос об умеренных местных голосах приводит к разным ответам в каждой стране. Очевидно, что отдельные голоса за пределами самого государства не существуют, но некоторые религиозные лидеры регулярно упоминаются в Казахстане и Кыргызстане. Тем не менее в Казахстане довольно часто, говоря об умеренных имамах, респонденты идентифицируют их как «законных» или «одобренных» государством, указывая, как государство поддерживает контроль над тем, кому из клерикалов разрешен свободный доступ к общественности, а кому нет. В Кыргызстане такая квалификация практически не требуется, так как респонденты часто упоминают нескольких общенациональных или региональных популярных клерикалов. Из результатов опроса еще одно убедительное заключение относительно имамов и клерикалов состоит в том, что во всех трех опрошенных странах наиболее популярным видом проповеди, предпочитаемым более 70% респондентов в каждом случае, был «нравоучительный», тогда как «проповедующий» тип клерикала был третьим в том же вопросе.

Однако во всех трех странах, помимо умеренных голосов, респонденты считали, что для предотвращения радикализации будет важно рассказывать истории о ЛВЭ и их семьях – реальные истории людей, которые были подчеркнуты как особенно сильные. Действительно, несколько респондентов ЛВЭ в Таджикистане и, по крайней мере, один в Кыргызстане рассказали о своей работе в местных сообществах, чтобы поделиться своим опытом экстремизма (в рамках программ П/ПНЭ в соответствующих странах и сообществах). Многие эксперты-респонденты считают их

наиболее эффективными контррассказчиками, открывающими глаза тем, кто был склонен к экстремистской деятельности по религиозным идеологическим мотивам.

Таким образом, настоящее исследование показывает, что люди в Центральной Азии знают и отвергают радикализм и насильственный экстремизм. Они объясняют это, основываясь на своем опыте, восприятии и мнениях, вызванных множеством проблем в их обществах. Их отношение к растущему уровню религиозной практики в их обществах в основном позитивное, и в этом явлении они ценят такие позитивные результаты, как улучшение нравственности и поведения в обществе. Опрос показал, что религия как руководство в жизненных вопросах значительно интереснее религиозной догмы, и многие считают, что рост религии, особенно тех, кто исповедует религию, является восстановлением части идентичности их общества. Эти позитивные настроения присутствуют, но они более приглушены в Таджикистане, более открыты в Казахстане и еще больше в Кыргызстане.

Роль государств и официальной политики по предотвращению и противодействию насильственному экстремизму в странах является основной частью всех выводов, изложенных выше. Информационные экосистемы ограничены и упорядочены там, где сильна гегемония в публичном дискурсе, и они шире, разнообразнее и свободнее там, где сила государства слабее. Политика П/ПНЭ государств стран Центральной Азии стала более всеобъемлющей, многоплановой и систематической за годы, прошедшие с того момента, когда вербование в ИГИЛ из стран Центральной Азии было проблемой в 2014-2015 годах. Однако неизменной чертой официальной политики во всех странах является секьюритизация в сфере религии и работы П/ПНЭ в частности, в вопросах развития, социальной справедливости, образования, политических дебатов и так далее. Это в сочетании с авторитарными политическими режимами в регионе делает разработку эффективной работы П/ПНЭ еще более сложной.

Принимая во внимание выводы данного исследования, важно выработать идеи относительно того, что и как следует разрабатывать путем повышения устойчивости региональных обществ перед радикализацией и насильственным экстремизмом. Таким образом, ряд рекомендаций к действию предлагается далее как результат общих данных настоящего исследования.

Рекомендации

Следующие рекомендации вытекают из пожеланий, выраженных респондентами в ходе глубинных интервью, из критических наблюдений и высказанных мнений в ходе экспертных интервью, из выводов, сделанных на основе результатов опросов и в более общем плане требующих внимания в сочетании с многочисленными выводами. Для удобства чтения рекомендации сгруппированы по темам или целевым аудиториям.

Во-первых, области для дальнейшего исследования остаются открытыми.

- Первое: **глубже изучать религиозный дискурс и его формирование**. Какие конкретные факторы, институты, на каком языке и через какие каналы коммуникации формируют общественные идеи, представления и отношение к религии? Дискурс должен быть изучен как на государственном, так и на региональном и международном информационном поле, так же должно происходить его формирование. Особенно может быть интересно изучать роль государства, религиозных институтов и клерикалов, СМИ, формирующие и обозначающие дискурс в религии.
- Второе: **вопрос светской политики**. Потенциально новая линия раздора во многих обществах – особенно в постсоветской ЦА – это спор между светским и религиозным. Поиск общего фундамента, который бы удовлетворил обе стороны и сделал возможным сосуществование общества и государства, – вызов, который пока не рассматривается, и отказ сделать это создает другой риск для создания новых потоков радикализации и социальных столкновений.
- **Третье направление дальнейшего изучения – географическое**: Узбекистан всегда был интересным и наименее изученным. Как уже многие отметили и некоторые даже подтвердили, страна недавно открылась международной экономике, культурным и исследовательским проектам, и исследование СМИ и радикализации увеличило бы знания об Узбекистане.
- **Четвертое** – это расширение логики данного исследования и частичное выполнение предыдущих пунктов, **выход за рамки причинно-следственных связей П/ПНЭ и фокус на коммуникации**. Почти все исследования в этой сфере были сфокусированы на причинах радикализации и экстремизма, и ответы были получены соответствующие и удовлетворяющие, насколько это было возможным. Причинно-следственные подходы основаны на логике, как только причина выявлена, ее можно нейтрализовать, чтобы проблема больше не возникала. Коммуникационный подход к проблемам радикализации и экстремизма фокусируется на информационной экосистеме, как она определена в данном документе, она изучает: какие значения, идеи, отношения генерируются и обсуждаются в обществе и как они формируют ценности и мировосприятие.

Кроме рекомендаций по дальнейшим возможным областям исследований, в ходе полевых и кабинетных исследований для СМИ и журналистов появились конкретные рекомендации.

- Набор рекомендаций относится к базовым понятиям об ответственности в репортажах. СМИ во всех трех странах **нуждаются в тренингах по тщательной проверке фактов, факт-чекинге и критической оценке поступающей информации**. Обычно источники, используемые в любых новостях или докладах, сомнительны; очень часто за громкими названиями статей видны случайные заметки чиновников или экспертов. Также нужны тренинги по освещению **конфликтных тем** в новостях по религии и радикализации. Обычно, и это вполне понятно, СМИ пишут только то, что важно для них. Однако очень часто они используют преувеличенный язык, стиль, особенно в заголовках статей, таким образом вносят вклад в негативное отношение к обычной религиозной практике. Медиаобщества **нуждаются в большем понимании религии и тренингах по освещению религиозных тем**, чтобы таким образом избежать использования клише и нездорового тона, преподнося неверную информацию о религии. В зависимости от формы материала, приглашать экспертов-теологов и религиозных лидеров, информировать о статье или докладе – было бы практическим решением сложностей в изучении религии.
- СМИ и журналисты могли бы **продвигать идею прозрачности и исполнения закона для эффективного освещения судебных исков** против людей, обвиненных в экстремизме. Это область, где продолжают серьезные проблемы, создающие почву для обиды, и, понятно, это тоже область, где информация очень ограничена. Такое возможно, вероятней всего, в Кыргызстане и в некоторых независимых изданиях Казахстана. Такая журналистская практика возможна, но будет сложнее всего это реализовать в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане.
- **Медиа, специализирующиеся на религиозном обучении, могут рассматриваться как потенциальные ресурсы**. Такие издания являются наиболее популярными в Казахстане и Кыргызстане, обычно они контролируются и выпускаются хорошо образованными и уважаемыми учеными, специалистами по исламу. Они могут быть ресурсами для усиления качества журналистики по освещению религиозных тем.
- Кроме социальных сетей, **больше программ по П/ПНЭ должно выпускаться на ТВ** – более популярное массмедиа, существующее во всех странах ЦА. Государственные телеканалы неизбежны в Таджикистане и возможны для взаимодействия в Казахстане и Кыргызстане. Это ТВ-каналы, которые смотрят респонденты и которым доверяют, в дополнение к нескольким частным каналам в Казахстане и Кыргызстане.
- **Формат материалов СМИ должен быть разнообразным, нужно** выпускать живые ток-шоу и дебаты (на ТВ, радио или онлайн), особенно истории от первого лица (особенно от людей, которые были вовлечены в экстремизм), документальное кино и фильмы (число респондентов, экспертов, как было указано в Казахстане). Привлекательные, понятные и информативные форматы приведены в качестве рекомендаций для всех стран.
- Ресурсы – когда есть возможность, тренинги – **для улучшения медиаграмотности потребителей информации**. В связи с приведенной выше рекомендацией для исследования такая способность позволила бы читателям лучше анализировать и оценивать информацию и

таким образом быть более избирательными в потреблении информации о религии, радикализме и экстремизме. В то время как многие респонденты в глубинных интервью и опросах, когда их спросили прямо, ответили, что знают о предвзятости в СМИ, в своих способах и предпочтениях относительно информации не показали такой же осведомленности.

- Необходимо **освещение в СМИ и обсуждение острых социальных вопросов**, таких как дискриминация, неравенство, несправедливость и злоупотребление полномочиями правоохранительных органов, на том языке, который озвучит голоса слабых и поощрит государство принять позитивные шаги. Такая работа более всего возможна и рекомендована в Кыргызстане, как и в других странах. Приглашение узбекского президента Ш.Мирзиева открыто обсуждать проблемы, было частично воспринято некоторыми СМИ и гражданами⁹⁴.
- Освещение в СМИ радикализма или экстремизма **будет эффективным, если это делать с позиции уважения к мирной и принятой в обществе религиозной практике**. Позиционирование СМИ – это то, что большинство обычных зрителей и читателей интуитивно чувствуют, и если тон будет выражать страх или сопротивление распространению законной религиозной практики, то это будет восприниматься априори как предвзятость к религии, нежели как борьба против экстремизма.
- В стремлении к вышесказанному более подходящим проектом было бы взаимодействие определенных СМИ с религиозными лидерами и, возможно, с подходящими заинтересованными лицами со стороны государства, совместная работа над **созданием конструктивного диалога о религии в обществе**, который не основан на экстремизме, радикализации и который сможет противодействовать им.
- **Нужно лучше изучить, как взаимодействовать с аудиторией через смартфоны**. Это сложно, особенно при том объеме информации, с которым сталкивается человек, но это привлекательно, потому что популярно, и интересно как способ получения информации во всех трех странах, и это особенно относится к молодежи – самой уязвимой для радикализации части населения.

Необходимо разработать меры для более эффективных потоков информации и коммуникации, они могли бы быть полезными в усилении устойчивости сообществ ЦА к радикализации и экстремистским идеям и действиям. В более широком масштабе, однако, дальнейшая политика и перспективы исследований могут быть адресованы к ключевым заинтересованным лицам – государству, агентам, донорам, исследователям и СМИ.

- **Необходима особая тщательность в определении целевых групп для П/ПНЭ**. Молодежь, с подросткового возраста до 20 лет и, как обычно, не семейная, является наиболее уязвимой перед радикализацией категорией. Это предположение также подтвердилось в данном исследовании. Более конкретной категорией являются также трудовые мигранты. В этом, а

⁹⁴ См.: *Human Rights Watch* отчет о получении новой свободы в прессе, HRW, «Цензура и Свобода СМИ в Узбекистане», 2018 г.

также в прежних исследованиях трудовые мигранты в качестве социальной категории не были обозначены предрасположенными к радикализации. В то время как индивидуальный мигрант в определенных случаях может быть уязвимым или предрасположенным к радикализации, трудовые мигранты ЦА, которых насчитывается несколько миллионов, не являются больше уязвимыми перед радикализацией по сравнению другими категориями. То же самое относится и к женщинам.

- Аналогичным образом **тщательность рекомендуется при рассмотрении географии радикализации**. Как показывает данное исследование и другие схожие, акцент на географии может быть правильным в конкретных случаях или в группах, находящихся в данной местности, однако в целом радикализация в той степени, где она имела место быть, стала очень мобильной. Акцент на конкретной местности, даже если в таких местах неоднократно происходили вербовки для радикализации, рискует стигматизировать его население, внося страх и дискомфорт и поощряя репрессивные подходы правоохранительных органов⁹⁵.
- Государства должны **подходить к вопросу об ограничении информационных потоков и доступу к информации очень осторожно, дабы избежать повсеместного ограничения** граждан к получению информации. Важно обосновать и тщательно разработать такие государственные механизмы. В то время как сообщения экстремистских группировок могут служить законным обоснованием для контроля, такой контроль часто выходит за рамки дозволенного.
- Еще раз, в соответствии со многими прежними исследованиями, **важно отметить образование**. Образование в широком смысле продолжает оставаться проблемой в странах ЦА. Однако лучшее образование и не в последнюю очередь медиаграмотность важны для осознанного и ответственного потребления любой информации. В конечном итоге это также важно для способности общества придерживаться плюрализма идей и противодействовать нетерпимости.
- Наконец самое важное: **учитывать политику и политические воздействия** каждого проекта и исследования. Таким образом, целесообразно провести «оценку политического воздействия» как требование для любого проекта. Дальнейшее подавление гражданских свобод и ограничение гражданских и человеческих прав могут привести к ухудшению ситуации и, возможно, как раз это и происходит.

⁹⁵ Для детального изучения см.: Ноа Такер «Что происходит, когда твой город становится объектом для вербовки ИГИЛ?», CAP 209, 2018 г. на: <http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/06/Tucker-CAP-Paper-July-2018.pdf>

